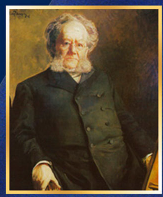

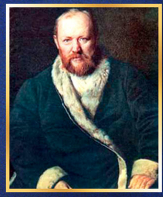
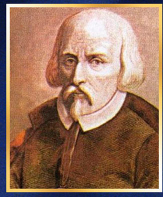

12 великих пьес

Коллектив авторов
12 великих пьес

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12627615

Аннотация

«12 великих пьес» – уникальная книга, в состав которой вошли наиболее знаковые произведения в истории драматического жанра, созданные гениальными зарубежными и русскими писателями. На страницах этой книги, не ограниченной тематическими рамками, есть место и слезам и смеху. Лучшие трагедии и комедии помогут читателю вспомнить мифические, легендарные и исторические сюжеты, заставят в очередной раз восхититься умением авторов создавать на их основе блестящие пьесы и придумывать героев, наделенных яркими самобытными характерами. Включенные в книгу пьесы часто ставятся на ведущих театральных сценах, по мотивам некоторых из них сняты популярные кинофильмы и мультики.

Содержание

Шекспир Уильям. Двенадцатая ночь, или Что угодно 5
- Действующие лица 5
- Действие I 7
  - Сцена первая 7
  - Сцена вторая 10
  - Сцена третья 15
  - Сцена четвертая 21
  - Сцена пятая 24
- Действие II 40
  - Сцена первая 40
  - Сцена вторая 42
  - Сцена третья 44
  - Сцена четвертая 53
  - Сцена пятая 62
- Действие III 72
  - Сцена первая 72
  - Сцена вторая 81
  - Сцена третья 85
  - Сцена четвертая 89
  - Сцена пятая 101
- Действие IV 110
  - Сцена первая 110

Сцена вторая 114
Сцена третья 119
Действие V 122
Сцена первая 122
Шекспир Уильям. Гамлет 147
Действующие лица 147
Акт I 149
Сцена I 149
Сцена II 163
Сцена III 182
Сцена IV 191
Сцена V 198
Конец ознакомительного фрагмента. 211

12 великих пьес

Шекспир Уильям. Двенадцатая ночь, или Что угодно

Действующие лица

Орсино, герцог Иллирийский[1].
Себастиан, молодой дворянин, брат Виолы.
Антонио, капитан корабля, друг Себастиана.
Капитан корабля, друг Виолы.
Валентин и **Курио**, придворные герцога.
Сэр Тоби Белч, дядя Оливии.
Сэр Эндрю Эгчик.
Мальволио[2], управитель Оливии.
Фест, шут Оливии.
Оливия, богатая графиня.
Виола, влюбленная в герцога.
Мария, служанка Оливии.

---

[1] Герцог Иллирийский. – Иллирия (лат. Illyricum) – название области на Адриатическом побережье Балканского полуострова. Здесь – некая вымышленная приморская страна.

[2] Мальволио – от итальянского mala voglia: «злокозненный»

Фабиан, слуга Оливии.

Придворные, священник, матросы, полицейские, музыканты и слуги.

Действие происходит в Иллирии, в городе и на близлежащем берегу.

Действие I

Сцена первая

Комната во дворце герцога.
Входят герцог, Курио и придворные. Вдали – музыканты.

Герцог

Коль музыка, ты – пища для любви,
Играйте громче, насыщайте душу!
И пусть, насытившись, желанье звуков
От полноты зачахнет и умрет.
Еще раз тот напев! Он словно замер!
Он обольстил мой слух, как ветер юга,
Что, вея над фиалковой грядой,
Нам в душу веет сладким ароматом.
Довольно, перестаньте! Нет, уж он
Не нежит слух, как это было прежде.
О дух любви, как свеж ты, как ты жив!
Как океан, ты принимаешь все,
Но что ни попадет в твою пучину,
Каким бы ценным ни было оно,
Всю ценность безвозвратно потеряет.
Любовь так преисполнена мечтаний,
Что истинно мечта – одна любовь.

Курио

Хотите ли на травлю, государь?

Герцог

Кого травить мне?

Курио

Лань.

Герцог

Да, я охочусь
За благороднейшей моею ланью.
Когда я в первый раз Оливию увидел,
Мне показалось, будто самый воздух
Очищен от губительной заразы
Ее дыханием – и в то ж мгновенье
Оленем стал я и, как злые псы[3],
Меня с тех пор преследуют желанья.

---

[3] «Оленем стал я и, как злые псы…» – намек на миф об Актеоне (лат. Actaeon); в греческой мифологии сын Аристея и Автонои, знаменитый охотник, воспитанный кентавром Хироном. Однажды он случайно застал Артемиду и ее нимф купающимися. Разгневанная богиня превратила Актеона в оленя, и его разорвали собственные собаки.

Входит Валентин.

Герцог

А, вот и ты! Ну что она сказала?

Валентин

Осмелюсь доложить, что я не видел
Самой графини. Девушка ее
Ходила к ней и, возвратясь, сказала,
Что даже небо прежде семи лет
В лицо ей не заглянет без покрова.
Она монахиней под покрывалом
Решилась жить и келию свою,
Что Божий день, горючими слезами
Вкруг окроплять – и это все затем,
Чтоб брата мертвую любовь почтить
И в памяти печальной сохранить
Ее надолго живо и свежо.

Герцог

Она, в ком сердце создано так нежно,
Что может чтить столь свято память брата,
О, как она полюбит, если рой
Живущих в ней желаний умертвит
Стрела златая, если воцарится
На двух возвышенных ее престолах,
На этих милых, нежных совершенствах,

На сердце и уме – один властитель!
Вперед – в любви свободную обитель!
Сладка мечта любви в тени лесов
Среди благоухающих цветов!

Уходят.

Сцена вторая

Берег моря.
Входят Виола и капитан корабля.

Виола

Что это за земля, друзья мои?

Капитан

Иллирия, прекрасная синьора.

Виола

Но что же мне в Иллирии здесь делать?
Мой брат в полях Элизиума[4]. бродит!
Но, может быть, он жив, не утонул?
Как думаете вы?

---

[4] Элизиум – в греческой мифологии Елисейские поля, часть загробного мира, обитель праведных душ, получивших бессмертие от богов

Капитан

Ведь вы спаслись же!

Виола

О, бедный брат! Но, может быть, и он
Не утонул, а спасся тоже?

Капитан

Да.
И чтобы вас возможностью утешить,
Я вот что расскажу: когда корабль
Разбился о скалу и вы, спасаясь,
Вот с ними плыли на ладью, я видел,
Как смелый брат ваш, бодро сохраняя
Среди опасностей присутствие ума,
Связал себя с огромнейшею мачтой —
Его учили смелость и надежда.
Как на хребте дельфина Арион[5],
Он твердо сохранял с волнами дружбу,
Пока я взором мог за ним следить.

---

[5] Арион – знаменитый греческий поэт и музыкант, живший в VII веке до н. э. на острове Лесбос. По одной из легенд, при возвращении на корабле из Таррента в Коринф с богатым грузом, он был ограблен моряками и, спасаясь, прыгнул за борт. В воде Ариона спасли дельфины, очарованные его пением и звуками лиры, которые и доставили его к Тарренскому мысу.

Виола *(бросая кошелек)*

Возьми за эту весть. С моим спасеньем
В душе моей воскресла и надежда;
Твои ж слова ее питают. Он,
Быть может, жив! Ты эту землю знаешь?

Капитан

И очень хорошо. Недалеко
Отсюда я родился и воспитан.

Виола

А кто здесь правит?

Капитан

Благородный
И сердцем и происхожденьем герцог.

Виола

А как зовут его?

Капитан

Орсино, донна.

Виола

Орсино? Да, я помню, мой отец
Его не раз так называл. Тогда
Еще он холост был.

Капитан

Да и теперь,
Или, по крайней мере, незадолго,
Не дальше как за месяц, я оставил
Иллирию: тогда носился слух —
Вы знаете, что мелкие не прочь
Болтать о том, что делают большие, —
Что ищет он Оливии руки.

Виола

Но кто она?

Капитан

Дочь графа и девица,
Исполненная всяких совершенств.
Граф умер год тому назад, ее
Оставивши на попеченье брата,
Который также кончил жизнь; графиня ж,
Любя его горячею любовью,

От общества мужского отреклась.

Виола

О, если бы я ей служить могла
И звание мое перед людьми
Скрывать, пока мой план созреет!

Капитан

Это
Исполнить нелегко. Всем предложеньям,
И даже герцогским, она не внемлет.

Виола

Ты вежлив в обращенье, капитан,
И, несмотря на то что очень часто
Природа под изящной оболочкой
Скрывает смерть, мне верится охотно,
Что благородная твоя осанка
В гармонии с прекрасною душой.
Прошу тебя – за исполненье просьбы
Я щедро награжу – сокрой, кто я,
И помоги мне отыскать одежду,
Приличную для плана моего.
Я герцогу хочу служить. Прошу
Меня ему представить как кастрата.
Твой труд не пропадет напрасно: я

Умею петь, умею восхищать
Игрой на лютне и способна к службе.
Все остальное – время довершит,
Лишь помолчи об умысле моем.

Капитан

Я буду нем: вы будете кастратом —
Иль слепота меня да поразит!

Виола

Прекрасно! Так веди же дальше!

Уходят.

Сцена третья

Комната в доме Оливии.
Входят сэр ***Тоби Белч*** *и* ***Мария****.*

Сэр Тоби. Кой черт вздумалось моей племяннице так огорчаться смертью своего брата? Право же, заботы – враг жизни.

Мария. Право, сэр Тоби, вам бы следовало пораньше возвращаться домой. Барышня, племянница ваша, сильно возмущается вашими полуночными визитами.

Сэр Тоби. Так пусть возмущается себе, пока против самой не возмутились.

Мария. Однако порядочная жизнь вам бы больше пристала.

Сэр Тоби. Больше пристала? Да к чему мне рядиться? Я и так порядочно одет. Этот кафтан настолько хорош, что в нем можно пить, и сапоги тоже – или чтоб им подавиться собственными голенищами!

Мария. Бражничанье да гулянье доконают вас. Барышня еще вчера об этом говорила, да еще о каком-то дурачке, которого вы как-то вечерком приводили к ней свататься.

Сэр Тоби. О ком это? Об Эндрю Эгчике?

Мария. Да.

Сэр Тоби. Да он не хуже кого другого в Иллирии.

Мария. Какое кому до этого дело?

Сэр Тоби. Да ведь он получает в год три тысячи дукатов.

Мария. Все его дукаты станут ему разве на год: он дурак и мот.

Сэр Тоби. И как ты только можешь так говорить? Он играет на басе, а знает три-четыре языка наизусть слово в слово и многим еще кое-чем одарен от природы.

Мария. Да, правда, порядочно одурен. При всей своей глупости он еще и забияка – и не имей дара трусости для усмирения удальства, так умные головы думают, что ему бы скоро свернули шею.

Сэр Тоби. Клянусь кулаком моим, тот лжец и мерзавец,

кто так отзывается о нем! Кто они?

Мария. А те самые, которые утверждают, что он каждый вечер напивается с вами допьяна.

Сэр Тоби. Конечно, за здоровье моей племянницы. Я до тех пор буду пить за нее, пока в глотку льется и есть еще вино в Иллирии. Собака и свинья, кто не пьет в честь моей племянницы до тех пор, пока мозг у него не пойдет кубарем Тише, красотка! Castiliano volgo![6] Сэр Эндрю Эгчик идет.

Входит сэр Эндрю Эгчик.

Сэр Эндрю. Сэр Тоби Белч! Как поживаешь, сэр Тоби Белч?

Сэр Тоби. Дружище, сэр Эндрю!

Сэр Эндрю. Здравствуй, красавица!

Мария. Здравствуйте, сударь.

Сэр Тоби. Приступай, сэр Эндрю, приступай!

Сэр Эндрю. Кто это?

Сэр Тоби. Горничная моей племянницы.

Сэр Эндрю. Милая мамзель Приступай, мне хочется ближе с тобою познакомиться.

Мария. Мое имя Мария, сударь.

Сэр Эндрю. Милая Мария, приступай!

Сэр Тоби. Ты не так меня понял, братец. Приступай – значит разговорись с нею, атакуй ее. Марш на приступ!

---

[6] На разговорном кастильском (исп.).

Сэр Эндрю. Клянусь честью, в этом обществе я не решился бы сделать это. Так это значит – приступай?

Мария. Мое почтение, господа.

Сэр Тоби. Если она так уйдет, сэр Эндрю, так чтоб тебе никогда не обнажать шпаги!

Сэр Эндрю. Если ты так уйдешь, так чтоб мне никогда не обнажать шпаги! Что ж ты, милочка, думаешь, что водишь дураков за нос?

Мария. Нет, сударь, я вас не вожу за нос.

Сэр Эндрю. Но будешь вести, вот тебе рука моя.

Мария. Конечно, сударь, мысли свободны, но все-таки не худо было бы держать их немного на привязи.

Сэр Эндрю. Это зачем, моя милочка? Что значит эта метафора?

Мария. Она суха, сударь[7], так же, как ваша рука горяча.

Сэр Эндрю. Что же? Ты хоть кого согреешь!

Мария. Нет, у вас холодное сердце – это я могу пересчитать по вашим пальцам.

Сэр Эндрю. А ну попробуй!

Мария. Да я уже пересчитала по ним, что вы и трех не пересчитаете. Прощайте.

(Уходит.)

Сэр Тоби. О рыцарь, тебе нужно бы стакан канарского! Случалось ли, чтобы тебя так сшибали с ног?

---

[7] «Она суха, сударь…» – Мария намекает на то, что влажная рука считалась признаком страстной натуры.

Сэр Эндрю. Никогда, вот разве только Канарское сваливало меня с ног. Мне сдается, что иногда во мне не больше остроумия, чем в обыкновенном человеке. Но я ем очень много говядины – и это вредит моему остроумию.

Сэр Тоби. Без сомнения.

Сэр Эндрю. Если бы я это думал, я бы зарекся есть ее. Завтра я поеду домой, сэр Тоби.

Сэр Тоби. Pourquoi[8], любезный рыцарь?

Сэр Эндрю. Что такое pourquoi – поезжай или нет? Жаль, что я не употребил на языки времени, которое ушло на фехтованье, танцы и травлю лисиц. Ах, что бы мне заняться искусствами!

Сэр Тоби. О, тогда голова твоя прекрасно была бы убрана волосами!

Сэр Эндрю. Как так? Разве они исправили бы мои волосы?

Сэр Тоби. Без сомнения! Ты видишь, от природы они не хотят виться.

Сэр Эндрю. Однако они все-таки мне очень к лицу, не правда ли?

Сэр Тоби. Чудесно! Они висят, как лен на прялке, и я надеюсь дожить еще до того, что какая-нибудь баба возьмет тебя между колен и начнет их прясть.

Сэр Эндрю. Ей-богу, я поеду завтра домой, сэр Тоби. Твоя племянница не хочет показываться. Да если бы и пока-

---

[8] Почему (фр.).

залась, так можно держать десять против одного, что я ей не понравлюсь. Сам герцог к тому же ухаживает за ней.

Сэр Тоби. Герцога она не хочет, так как не хочет выйти за человека, который выше ее званием, летами и умом. Я сам слышал, как она клялась в этом. Веселей, брат! Еще не все пропало.

Сэр Эндрю. Так я останусь еще на месяц. Я человек с самым странным устройством души: иногда меня только и занимают маскарады да поездки.

Сэр Тоби. Неужели ты годен на эти дурачества?

Сэр Эндрю. Да, так же, как и всякий другой в Иллирии, будь он кто угодно, лишь бы не был знатнее меня; а со старшими я сравнивать себя не хочу.

Сэр Тоби. Зачем же скрываются эти таланты? Зачем завеса опущена пред этими дарами? Или, может быть, ты боишься, чтоб они не запылились, как картины миссис Малл? Почему ты не идешь в театр галопом и не возвращаешься вприсядку? Я на твоем месте не ходил бы иначе, как a pas de rigaudon[9]. Что с тобой сделалось? Разве нынешний свет таков, чтоб держать под спудом свои добродетели? Глядя на прекрасное устройство твоих ног, я всегда думал, что ты родился под галопирующею звездою.

Сэр Эндрю. Да, нога мощная, и в чулке розового цвета недурна. Не приняться ли за стаканы?

Сэр Тоби. А что нам больше делать? Разве мы не роди-

---

[9] Ригодоновым шагом (фр.). Ригодон – старинный французский танец.

лись под созвездием Козерога?

Сэр Эндрю. Козерога? Это знаменует толчки и драку.

Сэр Тоби. Нет, дружище, это означает прыжки и пляску. Ну покажи свои скачки, валяй! Выше! Эге, чудесно!

Уходят.

Сцена четвертая

Комната во дворце герцога.
Входят ***Валентин*** *и* ***Виола*** *в мужском платье.*

Валентин. Если герцог всегда будет так милостив, Цезарио, так вы далеко пойдете: всего три дня, как вас знает, – и вы уже не чужой.

Виола. Вы опасаетесь или непостоянства с его стороны, или небрежности с моей, если сомневаетесь в продолжении его благосклонности. Что, он непостоянен в своих милостях?

Валентин. Нет, нисколько.

Входят герцог, Курио и свита.

Виола

Благодарю, но вот и его светлость.

Герцог

Скажите, где Цезарио? Где он?

Виола

Я здесь, к услугам вашим, государь.

Герцог *(свите).*

Вы все пока постойте в стороне.
Цезарио, ты знаешь все: тебе
Я в книге сердца моего открыл
Страницы глубочайших тайн. Беги,
Лети к ней, милый друг, не принимай
Отказов никаких, стой у дверей, скажи,
Что корни в пол нога твоя пустила,
Что не уйдешь, пока ее ты не увидишь!

Виола

Однако ж, государь, когда тоске
Она действительно так предалась,
Как говорят, – она меня не впустит.

Герцог

Шуми, быть дерзким лучше, чем оставить

Без исполнения твое посольство.

Виола

Положим, государь, что мне удастся
С ней говорить – тогда что?

Герцог

О! Тогда
Раскрой пред ней весь пыл моей любви
И изуми рассказом обо мне.
Тебе излить тоску мою пристало:
Тебя она скорее станет слушать,
Чем старого посла с лицом суровым.

Виола

Не думаю.

Герцог

Поверь мне, милый друг
Тот наклевещет на твою весну,
Кто скажет, что ты муж. Уста Дианы
Не мягче, не алей; твой голосок,
Как голос девушки, и чист и звучен;
Как женщина, ты создан весь. Я знаю,
Твоя звезда посольству твоему

Благоприятна. Четверо из вас
Пусть с ним идут. Ступайте хоть и все,
Когда угодно. Мне дышать тем легче,
Чем менее вокруг меня людей.
Окончи счастливо твое посольство —
Свободен будешь ты, как твой монарх,
И с ним разделишь все.

Виола

Я постараюсь
Все сделать, чтоб графиню покорить.

(Тихо.)

О, как я ни стараюсь, все страдаю!
Его женой сама я быть желаю.

Уходят.

Сцена пятая

Комната в доме Оливии.
Входят ***Мария*** *и* ***шут****.*

Мария. Ну говори, где ты таскался, или я рта не открою, чтобы выгородить тебя. Госпожа прикажет тебя повесить за отлучку.

Шут. По мне – пожалуй. Кто на этом свете хорошо повешен, тому лба не забреют.

Мария. Почему так?

Шут. А потому, что кому суждено быть повешенным, тот не утонет.

Мария. Дурацкий ответ! Знаешь, кто выдумал это выражение «забрить лоб»?

Шут. Кто, моя красотка?

Мария. Те, кто не умеет плавать. И ты это можешь смело повторять в твоей глупости.

Шут. Да, надели, Господи, мудростью мудрых, а дурачье пусть себе отдают в рост свои дары.

Мария. Тебя все-таки повесят за то, что ты шатался так долго, или выгонят вон; а разве это для тебя не все равно, что быть повешенным?

Шут. Хорошо висеть лучше, чем худо жениться. А что до того, что меня прогонят, так мне все равно, пока на дворе лето.

Мария. Так тебе не нужна моя помощь?

Шут. Зачем? У меня и своих пара помочей.

Мария. А когда одна лопнет, так другая будет держать; а если обе лопнут, то ты потеряешь панталоны.

Шут. Ловко! Ей-богу, ловко! Продолжай, продолжай! Если сэр Тоби оставит пьянство, то ты будешь самой остроумной из дочерей Евы во всей Иллирии.

Мария. Тише, шут! Ни слова больше! Тебе не худо бы

извиниться как следует.

(Уходит.)

Шут. Остроумие, если на то будет воля твоя, то помоги мне в доброй шутке! Умные люди, которые думают, что обладают тобою, часто остаются в дураках, а я, который уверен, что не имею тебя, могу прослыть за мудреца, ибо что говорит Квинапал? – «Мудрый глупец, лучше глупого мудреца».

Входят ***Оливия*** *и* ***Мальволио****.*

Шут. Желаю здравствовать, сударыня!

Оливия. Выведите глупость вон!

Шут. Слышите вы? Выведите вон графиню!

Оливия. Поди ты, сухой дурак! Я тебя знать не хочу, да, кроме того, ты еще начинаешь худо вести себя.

Шут. Два недостатка, мадонна, которые можно уничтожить питьем и добрым советом. Дайте сухому дураку напиться – он не будет сух. Посоветуйте дурному человеку исправиться – и если он исправится, то это уже не дурной человек; если же он уже не может исправиться, то пусть его портной заштопает. Ведь, что не исправлено, все только штопано. Провинившаяся добродетель штопана грехом; исправившийся грех штопан добродетелью. Годится этот простой вывод – хорошо, нет – что делать! Истинный рогоносец – только несчастье, а красота – цветок. Графиня хотела, чтоб вывели глупость, и я повторяю: выведите графиню вон!

Оливия. Я хотела, чтобы тебя вывели, почтеннейший.

Шут. Жестокая ошибка, сударыня: cucullus non facit

monachum[10], то есть: «мой мозг не так пестр, как мой кафтан». Добрейшая мадонна, позвольте доказать, что вы дура.

Оливия. Можешь ли ты это сделать?

Шут. И очень, мадонна!

Оливия. Доказывай.

Шут. Но я должен сперва проэкзаменовать вас, мадонна. Отвечайте мне…

Оливия. Пожалуй. За недостатком лучшего развлечения я послушаю твои доказательства.

Шут. Добрейшая мадонна, о чем грустишь ты?

Оливия. Добрый дурак, о смерти моего брата.

Шут. Я думаю, душа его в аду, мадонна.

Оливия. Я знаю, дурак, что душа его на небесах.

Шут. Тем больше ты дура, если грустишь о том, что душа брата твоего на небесах. Эй, вы! Выведите глупость вон!

Оливия. Что ты думаешь об этом дураке, Мальволио? Не становится ли он лучше?

Мальволио. Конечно, и будет совершенствоваться до последнего издыхания. Старость приводит в упадок умного человека, а дурака совершенствует.

Шут. Ниспошли же тебе Господи раннюю старость, и глупость твоя да расцветет во всей красе! Сэр Тоби поклянется, что я не лисица, но и гроша не заложит, что ты не дурак.

Оливия. Что ты на это скажешь, Мальволио?

---

[10] «…cucullus non fasit monacbum». – Латинскую пословицу «Клобук не делает монахом» шут толкует применительно к себе.

Мальволио. Я удивляюсь, как ваше сиятельство можете находить удовольствие в таком бездарном мерзавце! Я видел давеча, как простой дурак, в котором столько же мозга, как в палке, вышиб его из седла. Смотрите, он уже потерялся: если вы не смеетесь и не доставляете ему случая для острот, так у него рот зашит. Ей-ей, умные люди, которые смеются над этими заказными дураками, не что иное, как паяцы этих же дураков.

Оливия. О, ты болен самолюбием, Мальволио, и вкус твой совершенно испорчен. Кто благороден, простодушен и одарен свободой мысли, тот принимает за мыльные пузыри эти выходки, в которых ты видишь пушечные ядра. Привилегированный дурак не клевещет, хотя бы беспрестанно насмехался, так же, как человек, известный за умного, не насмехается, хотя бы всегда осуждал.

Шут. Да ниспошлет тебе Меркурий дар красноречия за то, что ты хорошо говоришь в пользу дураков.

Мария возвращается.

Мария. Сударыня, там у дверей какой-то молодой человек, он очень желает с вами говорить.

Оливия. Он от графа Орсино, не правда ли?

Мария. Не знаю, сударыня: статный молодой человек и с довольно большой свитой.

Оливия. Кто же его удерживает?

Мария. Сэр Тоби, сударыня, ваш дядюшка.

Оливия. Пожалуйста, уведи его: он вечно говорит, как

сумасброд.

Мария уходит.

Ступай, Мальволио, – и если это посол от графа, так я больна или меня нет дома. Скажи, что хочешь, лишь бы отвязаться.

Мальволио уходит.

(Шуту.) Видишь, как твои шутки стареют и надоедают?

Шут. Ты же за нас говорила, мадонна, как будто старшему сыну твоему быть шутом; но да набьют боги битком его череп мозгом, так как вот один из твоей родни, у которого очень слабая pia mater[11].

Входит сэр Тоби.

Оливия. Право, он полупьян. Кто там у дверей, дядюшка?

Сэр Тоби. Человек.

Оливия. Человек? Какой человек?

Сэр Тоби. Человек там. *(Икает.)* Черт возьми эти селедки! *(Шуту.).* Ты что, болван?

Шут. Почтеннейший сэр Тоби…

Оливия. Дядюшка, дядюшка, так рано и уже в таком непристойном виде.

Сэр Тоби. Недостойном? Велика важность. Там кто-то у дверей.

Оливия. Ну хорошо, да кто же?

Сэр Тоби. По мне, хоть сам черт, если ему угодно. Мне

---

[11] Серое вещество мозга (лат.).

что за дело? Уж поверьте мне, говорю я. Э, все на одно выходит! *(Уходит.)*

Оливия. С чем можно сравнивать пьяного?

Шут. С утопленником, дураком и бешеным. Первый глоток сверх жажды делает его дураком, второй – бешеным, а третий – утопленником.

Оливия. Ступай же за полицейским, пусть освидетельствует дядюшку, он уже в третьей степени пьянства – он утонул. Ступай, присмотри за ним.

Шут. До сих пор он еще только бешеный, мадонна, и дурак будет смотреть за бешеным. *(Уходит.)*

Мальволио возвращается.

Мальволио. Сударыня, этот молодой человек клянется, что должен говорить с вами. Я сказал ему, что вы нездоровы, но он уверяет, что уже слышал об этом и потому именно пришел говорить с вами. Я сказал, что вы спите, – и это он как будто знал уже наперед и утверждает, что затем-то и пришел поговорить с вами. Что ему сказать, сударыня? Он вооружен против всякого отказа.

Оливия. Скажи ему, что я не хочу с ним говорить.

Мальволио. Я это уже говорил ему, да он уверяет, что будет стоять у дверей, как будка часового, пока вы его не допустите.

Оливия. Какого же рода этот человек?

Мальволио. Мужского.

Оливия. Ну, а какого рода мужчина?

Мальволио. Очень дерзкого. Волею или неволею, он непременно хочет говорить с вами.

Оливия. Его лета, наружность?

Мальволио. Не довольно стар для мужа, не довольно молод для мальчика; ни рыба ни мясо, так – на меже мальчика и мужа. Лицом смазлив, говорит дерзко, у него как будто еще молоко на губах не обсохло.

Оливия. Впусти его, да позови Марию.

Мальволио (кричит). Мария, графиня зовет! *(Уходит.)*

Мария возвращается.

Оливия. Подай мне вуаль и накинь ее на меня: попробую еще раз выслушать посольство Орсино.

Входит Виола со свитою.

Виола. Кто из вас благородная хозяйка этого дома?

Оливия. Обратитесь ко мне, я хочу отвечать за нее. Что вам угодно?

Виола. Вселучезарнейшая, превосходнейшая, несравненнейшая красавица, прошу вас покорнейше сказать мне, кто здесь хозяйка? Я никогда ее не видал, и потому мне бы не хотелось промахнуться с моею речью, так как, кроме того, что она мастерски изложена, мне еще стоило большого труда выучить ее наизусть. Красавицы мои, не насмехайтесь надо мной: я очень чувствителен – малейшее неуважение меня раздражает.

Оливия. Откуда вы, сударь?

Виола. Я могу вам рассказать немного больше того, что

я выучил, а этого вопроса нет в моей роли. Уверьте меня в том, моя красавица, что вы действительно хозяйка, чтоб я мог продолжать речь мою.

Оливия. Вы актер?

Виола. Нет, мое сокровенное сердце. И при всем том, клянусь вам всеми крючками хитрости, я не то, что представляю. Вы ли хозяйка?

Оливия. Если не слишком много беру на себя, так я.

Виола. Действительно, если это вы, то вы много на себя берете. Что в вашей воле дать, в том отказать вы не властны. Впрочем, это не принадлежит к моему поручению. Итак, я буду продолжать похвальное вам слово, а потом поднесу зерно моего посольства.

Оливия. К делу. Что же касается похвального слова, то я вас освобождаю от него.

Виола. Ах да… А я убил столько труда, чтоб выучить его наизусть, и слово мое так поэтически изложено.

Оливия. Потому-то оно и вымышлено. Пожалуйста, поберегите его для себя. Я слышала, что вы неприлично вели, себя у моих дверей, и впустила вас больше затем, чтоб подивиться вам, чем слушать ваши рассказы. Если вы не безрассудны, то удалитесь; если вы умны, то укоротите речь свою. Сегодня я не расположена быть действующим лицом в подобном странном разговоре.

Мария. Угодно вам сняться с якоря? Вот дорога.

Виола. Нет, милый юнга, я еще здесь покрейсирую. Усми-

рите немного вашего великана, принцесса!

Оливия. Говорите, что вам угодно?

Виола. Я – посланный.

Оливия. Вероятно, вы должны сказать мне ужасную весть, если делаете к ней такие ужасные приготовления. Исполняйте ваше поручение.

Виола. Оно назначено только для вашего слуха. Я пришел не с объявлением войны, не с требованием дани. Оливковая ветвь в руке моей, и я произношу только слова мира.

Оливия. Тем не менее начало было довольно бурное. Кто вы? Чего хотите?

Виола. Если я выказал невежливость, то этому виной прием, который встретил. Кто я и чего я хочу – таинственно, как девственная прелесть: для вашего слуха – целая поэма, для всякого другого – святотатство.

Оливия. Оставьте нас.

Мария и свита уходят.

Послушаем эту поэму. Ну, сударь, что гласит ваша поэзия?

Виола. Прелестнейшая!..

Оливия. Утешительное учение, и о нем много можно наговорить. Где же стихи ваши?

Виола. В груди Орсино.

Оливия. В его груди? В которой главе?

Виола. Чтоб отвечать методически – в первой.

Оливия. О, ее я читала! Это ересь. Больше ничего вы не

имеете сказать мне?

Виола. Красавица, позвольте взглянуть на ваше лицо.

Оливия. Разве герцог дал вам поручение к моему лицу? Вы сбились с текста. Однако ж я отброшу занавес и покажу вам картину. *(Сбрасывает вуаль.)* Смотрите – такова я действительно в это мгновение. Хороша ли работа?

Виола. Превосходна, если одна природа создала ее.

Оливия. Краса неподдельная: не боится ни дождя, ни ветра.

Виола

Где розы с лилиями сочетала
Природы нежная, искусная рука,
Там красота чиста и неподдельна.
Вы будете жесточе всех, графиня,
Когда в могиле скроете красу,
Изображенья не оставив миру.

Оливия. О, я не хочу быть так жестокосерда! Я издам каталог моей красоты, сделаю опись – и каждая частица, каждый кусочек будет приложен к моему завещанию, как, например: первое – довольно алые губы; второе – пара голубых глаз, при них и ресницы; третье – шея, подбородок и так далее. Что, вы присланы для оценки?

Виола

О, я вас вижу в настоящем виде:

Вы непомерно горды! Но, хоть будь
Сам дьявол заключен в вас, – вы прекрасны.
Мой повелитель любит вас, синьора.
Такой любви нельзя не наградить,
Хотя бы вы, Оливия, носили
Корону беспримерной красоты.

Оливия

Как любит он меня?

Виола

С потоком слез,
С благоговением, с огнем молитвы,
Со вздохами, звучащими любовью.

Оливия

Он знает, что любить я не могу
Его, хотя считаю благородным,
И добрым, и богатым, и отважным.
И знаю, что он молодостью свежей
И незапятнанной цветет. Природа
Прекрасные дары в прекрасной форме
Ему дала, А все же не могу я
Его любить, что мог бы уж давно
Он отгадать.

Виола

Когда б я вас любил
Так горячо, мучительно и страстно,
Как мой монарх, в отказе вашем гордом
Я б никакого смысла не нашел —
Не понял бы его.

Оливия

Но что б вы сделали?

Виола

У вашего порога
Я выстроил бы хижину из ивы,
Взывал бы день и ночь к моей царице,
Писал бы песни о моей любви
И громко пел бы их в тиши ночей.
По холмам пронеслось бы ваше имя,
И эхо повторило б по горам:
«Оливия!» Вам не было б покоя
Меж небом и землей, пока бы жалость
Не овладела вашею душой.

Оливия

Кто знает, вы бы далеко зашли!
Откуда же вы родом?

Виола

Жребий мой
Хотя и не тяжел, но род мой выше:
Я дворянин.

Оливия

Идите же назад
К монарху вашему. Его любить
Я не могу. Пусть он не присылает
Опять ко мне послов, иль разве вы
Придете известить меня, как принял
Орсино мой отказ. Прощайте
Благодарю за труд. Вот вам на память.

Виола

Нет, спрячьте кошелек – я не слуга,
Не мне, а герцогу нужна награда.
Пусть камнем станет сердце человека,
Которого вы будете любить!
Да презирает он твою любовь,
Как презираешь ты любовь Орсино!
Красавица жестокая, прощай.

(Уходит.)

Оливия

А родом вы откуда? «Жребий мой
Хотя и не тяжел, но род мой выше:
Я дворянин». Клянусь, что это правда!
Твое лицо, приемы, смелость, стан,
Твои слова – вот твой богатый герб.
Оливия, не торопись, потише.
Но ежели б слуга был господином —
Ужели заразиться так легко?
Я чувствую, что юношеский образ
Невидимо и осторожно вкрался
В мои глаза. Мальволио, где ты?

Мальволио возвращается.

Мальволио

Я здесь, графиня! Что угодно?

Оливия

Догони
Упрямого посланника Орсино.
Он перстень здесь насильно мне оставил.
Скажи, что я подарка не хочу.
Пусть герцогу не льстит, пусть не ласкает
Его пустой надеждой – никогда он
Оливию своей не назовет.
Когда ж послу угодно завтра утром

Прийти ко мне, я объявлю причину.
Мальволио, спеши!

Мальволио

Сейчас, графиня.

(Уходит.)

Оливия

Что делаю, сама того не знаю.
Мой глаз не обольстил ли это сердце?
Свершай, судьба! Мы не имеем воли,
И нам судьбы своей не избежать.

Уходит.

Действие II

Сцена первая

Берег моря.
Входят ***Антонио*** *и* ***Себастиан****.*

Антонио. Так ты не хочешь оставаться и не позволяешь мне идти с тобою?

Себастиан. С твоего позволения – нет. Темно светит надо мной звезда моя. Злоба моей судьбы могла бы заразить и твою. Потому, прошу тебя, позволь мне страдать одному. Я худо заплатил бы за твою любовь, поделившись с тобою моим горем.

Антонио. Хоть скажи, куда ты идешь?

Себастиан. Нет, извини. Мое путешествие – прихоть. Но я замечаю в тебе прекрасную черту скромности – ты не хочешь выудить из меня мою тайну; тем охотнее я тебе откроюсь. Знай же, Антонио: меня зовут Себастианом, хоть я и называю себя Родриго. Отец мой был тот Себастиан из Мессалины[12], о котором ты, как мне известно, уже слышал. Он оставил меня и сестру, родившихся в один час. Зачем не

---

[12] Мессалина – такое же вымышленное название города, как Иллирия – название страны.

угодно было небу, чтоб мы и в одно время умерли? Ты помешал этому: за час до того, как ты спас меня от бушующих волн, сестра моя утонула.

Антонио. Боже!

Себастиан. Хоть и говорили, что она на меня очень похожа, однако многие считали ее красавицей. Я, конечно, не мог разделять с ними их чрезмерного удивления, однако смело скажу, что сама зависть должна была бы назвать ее сердце прекрасным. Она уже утонула в соленой воде, а я топлю ее память снова в соленых слезах.

Антонио. Не взыщи за плохой прием.

Себастиан. О добрейший Антонио, прости только мне все беспокойства!

Антонио. Если ты не хочешь убить меня за мою дружбу, позволь мне быть твоим слугою.

Себастиан. Если ты не хочешь уничтожить сделанного, то есть убить того, кому спас жизнь, так не требуй этого. Прощай однажды и навсегда. Мое сердце так чувствительно – это наследие матери, – что глаза мои при малейшем поводе наполняются слезами. Я иду ко двору графа Орсино. Прощай.

(Уходит.)

Антонио

Благословенье неба будь с тобою!
Врагами я богат в дворце Орсино,

Иначе скоро свиделся б с тобой.
Но что мне в том? Я за тобой лечу!
С опасностями я играть хочу.

Уходит.

Сцена вторая

Улица.
Входит ***Виола***. ***Мальволио*** *ее догоняет.*

Мальволио. Не вы ли были сейчас у графини Оливии?

Виола. Я только что от нее и шел так медленно, что успел дойти только до этого места.

Мальволио. Она возвращает вам этот перстень. Вы могли бы избавить меня от труда и сами взять его с собою. Она еще приказала вас просить решительно сказать вашему герцогу, что она отвергает его предложения. Еще одно: не осмеливайтесь являться к ней с поручениями от герцога, разве придете известить, как он это принял. Возьмите же!

Виола. Она взяла у меня перстень, и я не приму его назад.

Мальволио. Послушайте, вы дерзко бросили ей перстень, и ей угодно, чтобы он так же был возвращен. Если он стоит того, чтоб нагнуться, – так вот он, а если нет – пусть возьмет его первый прохожий.

(Бросает перстень и уходит.)

Виола

Я не оставила ей никакого перстня!
Что это значит? Боже сохрани!
Не обольстила ли ее наружность?
Она так страстно на меня глядела,
Как будто бы забыла о речах.
Ее слова прерывисты так были!
Она меня – о, это верно! – любит.
Любовь хитра: она меня зовет
Через посредство мрачного посла;
И перстня герцог ей не посылал!
Я – цель ее желаний. Если так,
То лучше бы любить ей сновиденье.
Ты одеянье – хитрость, как я вижу,
В которой силен наш лукавый враг.
Как лицемеру-молодцу нетрудно
На сердце женщины запечатлеть
Свой образ! Ах, не мы, а наша слабость
Тому причиной! Мы должны же быть
Так созданы. Чем кончится все это?
Оливию Орсино любит нежно;
Я, бедная, равно им пленена;
Она ж, обманутая, полюбила,
Как кажется, меня. Что это будет?
Когда я юноша, мне не питать
Надежды на любовь Орсино;
А если женщина, то, Боже, как напрасно
Должна Оливия по мне вздыхать!
Ты этот узел разрешишь, о время!

А для меня он не по силам бремя.

Уходит.

Сцена третья

Комната в доме Оливии.
Входит ***сэр Тоби****, за ним* ***сэр Эндрю****.*

Сэр Тоби. Ступай сюда, сэр Эндрю! Не быть за полночь в постели – значит рано вставать; a diluculo surgere[13] – ты знаешь?

Сэр Эндрю. Нет, ей-богу, не знаю. А знаю, что долго не спать – значит долго не спать.

Сэр Тоби. Ложный вывод столько же для меня противный, как пустая бутылка.

Просидеть за полночь и потом идти спать – значит рано; так, стало быть, ложиться спать за полночь – значит рано ложиться. Разве наша жизнь не состоит из четырех элементов?

Сэр Эндрю. Говорят так; но я думаю, что она состоит из еды и питья.

Сэр Тоби. Ты ученый. Давай же есть и пить. Эй, Мария! Вина!

Входит шут.

Сэр Эндрю. Вот дурак, ей-богу!

---

[13] Начало латинского выражения «раннее вставание очень полезно».

Шут. Здорово, ребята! Видали вывеску трех дураков?[14]

Сэр Тоби. Добро пожаловать, болван! Споем-ка хором.

Сэр Эндрю. Ей-богу, славное горло у дурака! Я бы дал сорок шиллингов, когда бы у меня были такие икры и такой славный голос для пения, какие имеет дурак. Ей-ей! Ты вчера! вечером хорошо дурачился, как рассказывал о Пигрогромитусе и Вапианах, что прошли за квебускую линию[15] Чудесно, ей-богу! Я послал тебешестипенсовик для твоей любезной – получил ли ты?

Шут. Я спрятал твой подарок в карман, потому что нос Мальволио – не плеть, моя милая белоручка, а мирмидонцы[16] не пивная лавочка.

Сэр Эндрю. Превосходно! Вот лучшие шутки, в конце концов. Ну, пой же!

Сэр Тоби. Да, спой-ка. Вот тебе шестипенсовик, валяй!

Сэр Эндрю. Вот и от меня: коли один дает шестипенсовик, я даю другой. Ну же, пой песню!

Шут. Что ж вам спеть? Любовную песенку или нравоучительную и чинную?

Сэр Тоби. Любовную! Любовную!

---

[14] «Видали вывеску трех дураков?» – Имеется в виду трактирная вывеска с изображением двух ослиных голов и надписью «Нас трое». Третьим считался читающий надпись.

[15] «…о Пигрогромитусе и Вапианах, что прошли за квебукскую линию…» – Имена и названия, выдуманные шутом.

[16] Мирмидонцы – маленькое племя, из которого Ахилл набирал себе воинов. Упоминается в «Илиаде» Гомера.

Сэр Эндрю. Да, что мне нравоучения!

Шут *(поет)*

Где ты, душенька, гуляешь?
Иль меня ты забываешь,
Что один грустит?
Кто тебя отсюда манит?
Час любви, поверь, настанет,
Быстро пролетит!

Сэр Эндрю. Чудесно, ей-богу!

Сэр Тоби. Славно! Славно!

Шут *(поет)*

Что любовь? Не за горами,
Не за лесом и полями,
Здесь она – лови!
Если медлишь – проиграешь,
Поцелуй мой потеряешь:
Не теряй, лови!

Сэр Эндрю. Медовый голос, клянусь моим дворянством!

Сэр Тоби. Соблазнительный голос!

Сэр Эндрю. Медовый и соблазнительный, ей-богу!

Сэр Тоби. Так сладок, что даже тошно. Да что, не хватить ли так, чтоб земля пошла вприсядку? Спугнем-ка филина хором, который вытянул бы у ткача три души.

Сэр Эндрю. Пожалуйста, если вы меня любите. Я так люблю хоры, я на песнях собаку съел! Начинайте «Мошенник».

Шут. «Молчи, мошенник»? Да ведь тогда я должен буду назвать вашу милость мошенником.

Сэр Эндрю. Это уже я не в первый раз заставляю называть себя мошенником. Начинай, шут! Оно начинается: «Молчи…»

Шут. Я не могу начать молча.

Сэр Эндрю. Хорошо, ей-богу, хорошо! Ну начинайте!

Поют хором. Входит Мария.

Мария. Это что за кошачий концерт? Если графиня не позовет своего управителя Мальволио, чтоб выгнать вас из дому! так назовите меня чем угодно.

Сэр Тоби. Графиня – родом из Китая, мы – дипломаты, а Мальволио – старая ведьма.

(Поет.)

Вот три веселых молодца!..

Что я ей не родственник, что ли? Разве мы не одной крови с твоей госпожой? (Поет.)

Госпожа, эх госпожа…

Шут. Право, его милость славно дурачится.

Сэр Эндрю. Да, он на это мастер, когда расположен, и я

тоже; но только он искуснее, как-то натуральнее.

Сэр Тоби *(поет)*

Однажды зимним вечерком
Сошлись…

Мария. Ради Бога, молчите!

Входит Мальволио.

Мальволио. Взбесились вы, господа, что ли? Что это у вас ни стыда ни совести – шуметь по ночам? Или вы принимаете дом графини за трактир, что так немилосердно горланите ваши сапожничьи песни? Не знаете ни времени, ни меры.

Сэр Тоби. И время и меру наблюдали, сударь, в нашей песне. Убирайся к черту!

Мальволио. Сэр Тоби, я должен поговорить с вами начистоту. Графиня поручила мне сказать вам, что хотя вы и живете у нее как родственник, но с буйством вашим она не хочет иметь никакого дела. Если вы можете расстаться с дурным поведением, так она вам очень рада; если же нет – и вам угодно с ней проститься, так она очень охотно с вами расстанется.

Сэр Тоби *(поет)*

Прощай, душа! Твой друг во тьме идет!

Мальволио. Прошу вас, сэр Тоби…

Шут *(поет)*

И видно по лицу, что пропадет.

Мальволио. Возможно ли…
Сэр Тоби *(поет)*

Ты никогда, сэр Тоби, не умрешь!

Шут *(поет)*

Протянешь ноги – врешь!

Мальволио. Это вам делает честь, право!
Сэр Тоби *(поет)*

Не худо бы его прогнать?

Шут *(поет)*

Зачем? Ему к лицу здесь постоять.

Сэр Тоби *(поет)*

Прогнать его, мошенника, за дверь!

Шут *(поет)*

О трус! Да не посмеешь же, поверь.

Сэр Тоби. Я с такту сбился, по-твоему, приятель! Соврал! Что ж ты за важная особа? Дворецкий! Или ты думаешь, потому что ты добродетелен, так не бывать на свете ни пирогам, ни пиву?[17]

Шут. Да, клянусь святой Анной, и имбирем будут попрежнему обжигать рот.

Сэр Тоби. Твоя правда. Проваливай-ка! Петушись в лакейской. А подай-ка нам винца, Мария!

Мальволио. Если б ты, Мария, хоть сколько-нибудь дорожила милостью графини, так не потворствовала бы этому разврату. Она узнает об этом, вот мое слово!

(Уходит.)

Мария. Ступай! Помахивай ушами!

Сэр Эндрю. А было бы так же хорошо, как и выпить проголодавшись, вызвать его на поединок да и не явиться, и тем его одурачить.

Сэр Тоби. Сделай-ка это, дружище; я напишу тебе вызов или на словах расскажу ему, как ты сердился.

Мария. Почтеннейший сэр Тоби, будьте потише только эту ночь. Молодой посол от герцога опять был у нее, и с тех пор ей совсем не по себе. А с Мальволио я справлюсь. Если

---

[17] Даровая раздача пирогов и пива в определенные праздничные дни, вошедшаяв обычай с незапамятных времен, во времена Шекспира была объявлена пуританами предосудительным обычаем папистов.

я не сделаю его притчей во языцех и посмешищем, так позволяю вам думать, что не сумею лежать прямо в постели. Я знаю, что могу это сделать.

Сэр Тоби. Расскажи же, расскажи! Что ты о нем знаешь?

Мария. Право, иногда кажется, что он вроде пуританина.

Сэр Эндрю. О, если б я думал это, то прибил бы его как собаку!

Сэр Тоби. Как? За то, что он пуританин? Твои побудительные причины, рыцарь?

Сэр Эндрю. Мои причины хоть и не побудительны, но, напротив, хороши.

Мария. Пусть себе будет – чтоб его нелегкая взяла – пуританином или чем угодно: все-таки он флюгер, что ходит за ветром; осел, который выучил наизусть высокопарные речи и сыплет их пригоршнями; ужасно доволен собою и совершенно уверен в том, что набит совершенствами; он свято верует, что, кто на него ни взглянет, непременно в него влюбится. Этот порок прекрасно поможет моему мщению.

Сэр Тоби. Что ж ты думаешь сделать?

Мария. Я подкину ему туманные любовные письма. В них опишу я цвет его волос, форму ног, поступь, глаза, лоб, черты лица – и он узнает себя непременно. Я могу писать совершенно как графиня, ваша племянница. Когда нам попадется какая-нибудь забытая записка, так мы никак не можем различить наши почерки.

Сэр Тоби. Бесподобно! Я уже чую, в чем дело.

Сэр Эндрю. И мне в нос ударило.

Сэр Тоби. Он подумает, что письма эти от моей племянницы и что она в него влюблена.

Мария. Да, я действительно хочу выехать на этом коньке.

Сэр Эндрю. А, и этот конек сделает его ослом.

Мария. Ослом.

Сэр Эндрю. О, это будет чудесно!

Мария. Богатая штука! Уж поверьте, я знаю, мое зелье на него подействует. Я поставлю вас двоих – шут будет третий – туда, где он должен найти письмо; заметьте только, как он будет объяснять его. На сегодня довольно; желаю, чтобы вам приснилась наша шутка. Прощайте! (Уходит.)

Сэр Тоби. Прощай, амазонка.

Сэр Эндрю. Славная, на мои глаза, она девка!

Сэр Тоби. Хорошо дрессирована и обожает меня; да в этом ее нельзя винить.

Сэр Эндрю. И меня раз как-то обожала!

Сэр Тоби. Пойдем спать, сэр. Не худо бы, если б тебе прислали денег.

Сэр Эндрю. Если мне не удастся жениться на твоей племяннице, так я крепко обчелся.

Сэр Тоби. Вели только прислать денег, если же она не будет наконец твоею, так назови меня лошадью.

Сэр Эндрю. Если я этого не сделаю, так я бесчестный человек. Понимай как хочешь.

Сэр Тоби. Пойдем, пойдем! Я приготовлю грог. Ложить-

ся уже поздно. Идем, брат, идем!

Уходят.

Сцена четвертая

Комната во дворце герцога.
Входят герцог, Виола, Курио и другие.

Герцог

По звукам стосковался я. Здорово!
Цезарио мой добрый, сделай милость,
Спой ту старинную, простую песнь
Вчерашней ночи. Грусть мою как будто
Она отвеяла и дальше, и свежей,
Чем красные слова воздушных арий,
Пленяющих собой наш пестрый век.
Одну строфу, одну строфу всего лишь!

Курио. Извините, государь, того, кто мог бы спеть ее, здесь нет.

Герцог

Кто же это пел?

Курио. Шут Фест, шут, который восхищал, бывало, отца

Оливии. Но он, верно, где-нибудь близко.

Герцог

Сыщите же его, а между тем
Сыграйте тот напев неотразимый.

Курио уходит. Музыка.

Цезарио, когда полюбишь ты,
В страданьях сладких вспомни обо мне.
Как я, все любящие своенравны,
Изменчивы в движениях души.
Одно в них держится неколебимо —
То образ милой, глубоко любимой.
Что, нравится ль тебе напев?

Виола

Прекрасно!
Как эхо, раздается он в чертогах,
Где царствует любовь.

Герцог

Твои слова
Искусно выражают чувство страсти,
Ручаюсь жизнью! Как ни молод ты,
Но ты уже искал в глазах любимой

Ответа на любовь, не так ли?

Виола

Да,
Немного, государь.

Герцог

Ну какова ж твоя любезная?

Виола

На вас похожа.

Герцог

Не стоит же она тебя. Как молода?

Виола

Почти что ваших лет.

Герцог

Стара!
Жена должна избрать себе того, кто старше;
Тогда она прилепится к супругу

И будет царствовать в его груди.
Как мы себя, Цезарио, ни хвалим,
А наши склонности непостоянней,
Чем женщины любовь.

Виола

Я тех же мыслей.

Герцог

Так избери подругу помоложе,
Иначе ведь любовь не устоит.
Ведь женщины, как розы:
Чуть расцвела —
Уж отцвела,
И милых нет цветов!

Виола

Да, жребий их таков!
Не доцветать,
А умирать.
Их жизнь – мгновенье, слезы.

Курио возвращается с шутом.

Герцог

Ну спой-ка песнь вчерашней ночи, друг!
Заметь – она старинная, простая.
Крестьянки в поле, убирая хлеб,
Иль, кружево сплетая, молодицы
Поют ее; она немудрена
И сладкою невинности любовью
Играет, как простая старина

Шут

Прикажете начать?

Герцог

Да, пожалуйста, спой.

Шут *(поет)*

Смерть, скорей прилетай, прилетай —
Кипарисами гроб мой обвит!
Жизнь, скорей улетай, улетай —
Я красавицей гордой убит!
Плющом украсьте саван мой,
Посмертный мой венец!
Никто с любовью такой
Не встретит свой конец.
Нет, нежных, прекрасных цветов
Не бросайте на черный мой гроб
И во прах не склоняйте голов

На укрывший дерновый сугроб!
Чтоб было некому по мне вздыхать,
Заройте труп мой в прах!
Чтоб другу гроб мой не сыскать,
Забудьте о слезах!

Герцог. Вот тебе за труды.

Шут. Что за труд, государь? Я нахожу удовольствие в песнях.

Герцог. Так возьми за удовольствие.

Шут. Пожалуй, за удовольствие, рано или поздно, мы должны расплатиться.

Герцог. Позволь мне тебя уволить.

Шут. Да осенит тебя бог меланхолии, а портной сошьет тебе платье из двуличной тафты! Твой дух – опал, играющий всеми цветами. Людей с твоим постоянством надобно бы посылать в море, чтоб они занимались всем, не находя нигде цели, потому что когда не знаешь, куда идти, то зайдешь всего дальше. Прощайте!

(Уходит.)

Герцог. Оставьте нас.

Курио и придворные уходят.

Цезарио, еще раз
Иди к неограниченно жестокой;
Скажи ей, что моя любовь над миром
Возвышена, как небо над землей:

Ей пыльных областей земных не нужно.
Скажи, что все ее дары, богатства,
Ей счастьем данные, в моих глазах
Ничтожны и изменчивы, как счастье.
Лишь он, тот царь-алмаз, тот образ-чудо,
В который Бог ее оправил душу,
Меня прельстил, меня к ней приковал.

Виола

Однако ж если, государь, она
Не может вас любить?

Герцог

Такой ответ
Не принимаю я.

Виола

Но вы должны.
Положим, девушка влюбилась в вас —
Какая, может быть, и есть на свете —
И сердце ноет у нее по вас,
Как ваше по Оливии; положим,
Что вы не можете ее любить,
Что вы ей это говорите – что ж,
Ответ ваш не должна ль она принять?

Герцог

Грудь женщины не вынесет той бури,
Такого страсти урагана, как в моем
Грохочет сердце; женщины душа
Мала, чтоб уместить в себе так много.
Они непостоянны; их любовь
Желаньем только может называться;
Она в крови у них, а не в душе,
И вслед за ней отягощают сердце
И пресыщение, и тошнота.
Моя ж, как море, голодна любовь —
Ей насыщенья нет! О, не равняй
Мою к Оливии любовь с любовью,
Что может женщина ко мне питать!

Виола

Однако же я знаю…

Герцог

Что ты знаешь?
Скажи.

Виола

Мне слишком хорошо известно,
Как женщина способна полюбить.

Их сердце так же верно, как и наше.
Дочь моего родителя любила,
Как, может быть, я полюбила б вас,
Когда бы слабой женщиной была.

Герцог

А жизнь ее?

Виола

Пустой листок, мой государь:
Она ни слова о своей любви
Не проронила, тайну берегла,
И тайна, как червяк, сокрытый в почке,
Питалась пурпуром ее ланит.
Задумчива, бледна, в тоске глубокой,
Как гений христианского терпенья,
Иссеченный на камне гробовом,
Она с улыбкою глядела на тоску —
Иль это не любовь? Конечно, нам,
Мужчинам, легче говорить и клясться;
Да наши обещанья выше воли:
Велики в клятвах мы, в любви – ничтожны.

Герцог

Сестра твоя скончалась от любви?

Виола

Я – вот все дочери и сыновья
Из дома моего отца. При всем том
Не знаю я… Да не пора ль к графине?

Герцог

Да, вот в чем дело! Живо, поспешай!
Вручи ей от меня вот этот перстень
И повтори ей, что моя любовь
Не вынесет отказа иль отсрочки.

Уходят.

Сцена пятая

Сад Оливии.
Входят ***сэр Тоби***, ***сэр Эндрю*** *и* ***Фабиан***.

Сэр Тоби. Ступай сюда, синьор Фабиан.

Фабиан. Конечно, пойду. Если я пророню хоть один гран этой шутки, так пусть из меня сделают похлебку на меланхолии.

Сэр Тоби. Не порадует ли тебя, что эта протоканалья осрамится с головы до ног?

Фабиан. Я торжествовал бы! Ты знаешь, однажды он ли-

шил меня милости графини по случаю медвежьей травли.

Сэр Тоби. Назло же ему медведя еще раз спустят, и мы не оставим на нем живого волоска. Не так ли, сэр Эндрю?

Сэр Эндрю. Если мы не сделаем этого, то да сжалится над нами небо!

Входит Мария.

Сэр Тоби. Вот и бесенок. Ну что, мое индийское золото?

Мария. Станьте втроем за куст: Мальволио идет этой дорогой. Он с полчаса стоял там, на солнце, и кривлялся перед собственной тенью. Ради Бога, примечайте за ним! Я знаю, это письмо превратит его в философствующего болвана. Тише, ради всего веселого!

Мужчины прячутся.

Ты лежи здесь. *(Бросает письмо.)* Вон плывет рыбка, которую надо поймать на удочку. *(Уходит.)*

Входит Мальволио.

Мальволио. Все только счастье – одно счастье. Мария сказала мне однажды, что графиня ко мне неравнодушна, и я сам слышал, как сама она намекала довольно ясно, что если она влюбится, так в человека с такой фигурой, как у меня; со мною обращается она с большим почтением, чем с кем-либо из остальных слуг ее. Что мне об этом думать?

Сэр Тоби. Надутая скотина!

Фабиан. Эти умствования превращают его в великолепнейшего из индейских петухов. Эк он надувается в своих перьях!

Сэр Эндрю. Ей-ей, так бы и прибил этого мошенника!

Сэр Тоби. Тише!

Мальволио. Быть графом Мальволио…

Сэр Тоби. О, скот!

Сэр Эндрю. Пулю в лоб ему, пулю!

Сэр Тоби. Тише, тише!

Мальволио. Есть примеры: обер-гофмейстерина вышла за камердинера.

Сэр Эндрю. Погибни, Иезавель![18]

Фабиан. Тише! Теперь он окунулся по уши. Смотрите, как воображение его надувает.

Мальволио. Три месяца прошли уж после нашей свадьбы – и я сижу! в великолепном кресле.

Сэр Тоби. О, если бы пустить в него камнем из лука.

Мальволио. Сзываю вокруг себя моих чиновников, сижу в бархатном, цветистом халате, только что встав с постели, где оставил Оливию спящею…

Сэр Тоби. Гром и молния!

Фабиан. Тсс! Тсс!

Мальволио. Потом находит каприз: осматриваешь их важным взором, говоришь им: «Я знаю свое место, так и вы знайте свое!.. – и, наконец, спрашиваешь о сэре Тоби.

Сэр Тоби. Ад и проклятие!

---

[18] Иезавель – высокородная и порочная израильская царица, жена царя Ахава, за жестокость выброшенная из окна на съедение псам. В устах сэра Эндрю – просто ругательство.

Фабиан. О тише! Тише! Теперь слушай!

Мальволио. Семеро из моих слуг с раболепною поспешностью бросаются за ним. Я между тем наморщиваю лоб, завожу, может быть, мои часы или играю драгоценным перстнем Сэр Тоби входит, отвешивает мне свой поклон…

Сэр Тоби. Неужели оставить его в живых?

Фабиан. Молчи, хоть бы лошадьми тянули из тебя слова.

Мальволио. Так протягиваю я ему руку и благосклонную улыбку подавляю строгим взглядом неудовольствия…

Сэр Тоби. И Тоби не ударит тебя в рожу?

Мальволио. И говорю: «Mon cher Тоби, так как судьба соединила меня с твоею племянницею, то я имею право сделать тебе следующие замечания…»

Сэр Тоби. Что? Как?

Мальволио. Ты должен оставить пьянство…

Сэр Тоби. Осел!

Фабиан. Потерпите, пожалуйста, а то ведь мы все испортим.

Мальволио. Кроме того, ты тратишь драгоценное время с болваном…

Сэр Эндрю. Это я – будьте уверены.

Мальволио. Каким-то сэром Эндрю…

Сэр Эндрю. Я очень хорошо знал, что это я, потому что многие называют меня болваном.

Мальволио. Это что такое? *(Поднимает письмо.)*

Фабиан. Вот рыбка и на удочке.

Сэр Тоби. Тсс! И да внушит ему дух шутки читать вслух!

Мальволио. Клянусь жизнью, это почерк моей графини! Это точно ее «эры» и «эли», она точно так пишет большие «пе». Это ее рука…

Сэр Эндрю. «Ее эры и эли…» к чему это?

Мальволио (читает). «Неизвестному предмету любви моей это письмо и дружеский привет». Это совершенно ее слог. Постой, и печать ее: Лукреция, которую она обыкновенно употребляет. Это графиня! К кому бы это?

Фабиан

Завяз с душой и телом!

Мальволио *(читает)*

«Богам известно, я люблю!
Одну мечту лелею!
Кого люблю – я не скажу,
Признаться в том не смею».
«Признаться в том не смею»!

Что дальше? Еще стихи! «Признаться в том не смею»! Если бы это был ты, Мальволио!

Сэр Тоби. Повесить тебя, собаку!

Мальволио *(читает)*

«Я рождена повелевать,

Тому, к кому душой пылаю;
Но не могу тебя назвать
И молча по тебе страдаю,
М. О. А. И.,
Кумир моей души».

Фабиан. Бестолковая загадка!

Сэр Тоби. Чудесная девка!

Мальволио. «М. О. А. И., кумир моей души». Сначала, однако ж… Посмотрим, посмотрим!

Фабиан. Эк она его разлакомила!

Сэр Тоби. Попался соколик!

Мальволио

«Я рождена повелевать,
Тому, к кому душой пылаю».

Ну конечно, она может мне повелевать, я ей служу, она моя госпожа – это ясно для всякого здравого ума: тут затруднений нет. А конец? Что бы значил этот порядок букв? Если бы мне удалось так или иначе приладить их ко мне. Постой! М. О. А. И.

Сэр Тоби. Ну догадывайся! Попал на след!

Фабиан. Борзая залаяла, как будто почуяла лисицу.

Мальволио. М. – Мальволио – М… Ну, этим начинается мое имя.

Фабиан. Не сказал ли я, что он отыщет свое? У него уди-

вительное чутье.

Мальволио. М… Но тогда нет согласия с следующим: дальше изъяснять нельзя: должно бы стоять А, а стоит О.

Фабиан. Этим О, надеюсь, все и кончится.

Сэр Тоби. Да, или я стану бить его, пока он не закричит «О!»

Мальволио. А за ним следует А.

Фабиан. Если бы у тебя был хоть один глаз позади, ты увидел бы больше стыда за собою, чем счастья впереди.

Мальволио. М. О. А. И. – это уж не так ясно, как сначала; однако ж немножко поворочать, так можно приладить ко мне: в моем имени есть каждая из этих букв. Но вот следует проза. *(Читает.)*

«Если это письмо попадется в твои руки – обдумай. Звезда моя возвышает меня над тобою, но не бойся величия. Одни родятся великими, – другие приобретают величие, а иным его бросают. Судьба простирает над тобой свою десницу! Душой и телом вцепись в свое счастье; а чтоб привыкнуть к тому, чем ты имеешь надежду сделаться, сбрось эту смиренную оболочку и явись превращенным. Будь груб с моим родственником, ворчи на прислугу; из уст твоих да звучат речи политические; веди себя странно. Это советует тебе та, которая по тебе вздыхает. Вспомни, кто хвалил твои желтые чулки, кто всегда желал тебя видеть с накрест застегнутыми подвязками[19], – я говорю тебе: вспомни! Смелей! Счастье к

---

[19] Мода завязывать подвязки крест-накрест была принята у пуритан, которые

твоим услугам, если ты этого хочешь. Если нет, то оставайся навсегда дворецким, товарищем лакеев и недостойным коснуться руки Фортуны! Прощай. Та, которая хотела бы поменяться с тобою своим званием.

Счастливая Несчастливица».

Свет солнечный не яснее! Это очевидно. Я буду гордым, буду читать политические книги, ниспровергну сэра Тоби, очищу себя от низких знакомств, до последнего волоска стану таким, как должно. Теперь я не обманываю себя: воображение не имеет надо мною, никакой власти. На днях она хвалила мои желтые чулки, восхищалась моими подвязками; здесь открывается она в любви и тонким намеком заставляет меня одеваться по ее вкусу. Благодарю звезду мою – я счастлив! Я буду странен, горд, стану носить желтые чулки, накрест застегивать подвязки… Да будут благословенны боги и мое созвездие! Вот еще приписка.

«Ты не можешь не догадаться, кто я. Если ты отвечаешь на любовь мою – знаком да будет твоя улыбка. Тебе так к лицу, когда ты улыбаешься, и потому прошу тебя: улыбайся всегда в моем присутствии».

Боги! Благодарю вас! Я буду улыбаться, буду делать все, чего ты ни потребуешь. *(Уходит.)*

Фабиан. Я не отдал бы моего участья в этой потехе ни за тысячу годовых доходов султана.

Сэр Тоби. За эту шутку я готов бы жениться на этой дев-

также пренебрегали всякими излишествами и не носили манжет на рукавах.

ке.

Сэр Эндрю. И я бы женился…

Сэр Тоби. И не взял бы другого приданого, кроме еще такой шутки.

Сэр Эндрю. И я не взял бы.

Мария возвращается.

Фабиан. Вот она, наше золото!

Сэр Тоби. Послушай, амазонка, требуй чего хочешь! Сделай из меня табурет для твоих ног, если угодно…

Сэр Эндрю. Или из меня.

Сэр Тоби. Иль прикажи мне проиграть в шашки мою свободу и сделаться рабом твоим.

Сэр Эндрю. Или мне сделаться…

Сэр Тоби. Ты погрузила его в такой сон, что, когда его видения исчезнут, он непременно сойдет с ума.

Мария. Нет, оно не шутя подействовало на него?

Сэр Тоби. Как водка на старую бабу.

Мария. Так если вы хотите увидеть плоды нашей шутки, заметьте появление его при графине. Он придет в желтых чулках, а она ненавидит этот цвет, подвязки будут застегнуты накрест, а она этого терпеть не может; он будет, глядя на нее, улыбаться, а это так мало гармонирует с ее грустью, что он лишится всей ее милости. Если хотите взглянуть на это, так идите за мною.

Сэр Тоби. До ворот самого ада, несравненный дьявол остроумия.

Сэр Эндрю. И я до ворот.

Уходят.

Действие III

Сцена первая

Сад Оливии.
Входят Виола и шут с барабаном.

Виола. Привет тебе, друг, со всей твоей музыкой! Каково тебе живется при барабане?

Шут. Мне, сударь, живется при церкви.

Виола. Разве ты священник?

Шут. Нет, не то, просто мне живется в моем доме, а дом мой стоит у самой церкви.

Виола. Да этак ты, пожалуй, можешь сказать, что церковь выстроена при барабане, если барабан стоит подле нее.

Шут. Правда, сударь. Вот век настал! Для умной головы всякая речь, как карман: мигом вывернет наизнанку.

Виола. Ты не шут ли Оливии?

Шут. Нисколько. У Оливии нет дурачества, и она до тех пор не будет держать у себя шута, пока не выйдет замуж; а шуты относятся к мужьям, как сардинка к селедкам: муж – наибольший из двух. Собственно, я не шут ее, а слововыворачиватель.

Виола. На днях я видел тебя у графа Орсино.

Шут. Глупость, как солнце, бродит вокруг света и светит повсюду. Жаль, если дурак не будет посещать вашего господина так же часто, как мою госпожу. Мне кажется, я видел у нее вашу премудрость.

Виола. Если ты хочешь смеяться надо мной, так; мне нечего больше с тобой толковать. Вот тебе на водку.

Шут. Да подарит тебе Зевс для бороды первый клок, который у него сыщется!

Виола *(про себя).* Да, я почти изнываю по ней, хотя и не желала бы, чтоб она росла на моем подбородке. *(Громко.)* Графиня дома?

Шут *(указывая на деньги).* А что? Может эта пара прижить детей?

Виола. И очень, стоит только их свести.

Шут. Я охотно сыграл бы роль Пандара, чтоб этого Троила свести с Крессидой.

Виола. Понимаю, ты искусно нищенствуешь.

Шут. Кажется, невелика штука! Я прошу только о нищей. Крессида была нищая[20]. Графиня дома, сударь. Я расскажу ей, откуда вы; кто же вы и чего вы хотите – это вне моей «сферы»; я мог бы сказать «горизонта», да это слово уже больно истерто. *(Уходит.)*

Виола

---

[20] «Крессида была нищая». – Намек на то, что Крессида была наказана за свое вероломство смертью в нищете.

Да, этот молодец смышлен довольно
Играть роль дурака, а чтобы ловко
Ее сыграть, так надобно уменье.
Он должен знать и обстоятельства, и нрав,
И лица тех людей, над кем смеется.
Как сокол, должен он лететь стрелой
На всякую из птиц, пред ним парящих.
И, право, это ремесло не легче
Искусства мудрым быть. Когда дурак
Дурачится, ему дурачество к лицу,
Но уж никак пристать не может мудрецу.

Входят сэр Тоби и сэр Эндрю.

Сэр Тоби. Здравствуйте!

Виола. Мое почтение.

Сэр Эндрю. Dieu vous garde, monsieur[21].

Виола. Et vous aussi; votre serviteur[22].

Сэр Эндрю. Надеюсь, что так, и я к вашим услугам.

Сэр Тоби. Вы хотите войти в дом? Племянница моя желает вас видеть, если у вас есть до нее дело.

Виола. Я очень ей обязан, я хочу сказать: я обязан идти к ней.

Сэр Тоби. Так ноги в карман – и марш!

Виола. Мои ноги понимают меня лучше, чем я ваше выражение.

---

[21] Да хранит вас Бог, сударь (фр.).

[22] И вас тоже; ваш слуга (фр.).

Сэр Тоби. Да я просто хочу сказать: идите.

Виола. Я отвечу вам делом, но нас предупредили.

Входят Оливия и Мария.

Очаровательная, несравненная графиня! Небо да ниспошлет на вас дождь благоуханий!

Сэр Эндрю. Этот молодой человек отличный придворный. «Дождь благоуханий»! Прекрасно!

Виола. Мое поручение безмолвно для всех, графиня, кроме вашего благосклонного и снисходительного слуха.

Сэр Эндрю. Благоухание! Благосклонное! Снисходительная! Замечу все три.

Оливия. Затворите садовую дверь и оставьте нас. Я хочу его выслушать.

Сэр Тоби, сэр Эндрю и Мария уходят.

Позвольте вашу руку.

Виола

Повелевайте мной, графиня, я
К услугам вашим.

Оливия

Имя ваше как?

Виола

Имя вашего слуги – Цезарио,

Прелестная графиня.

Оливия

Мой слуга?
Не радовался свет еще ни разу,
Когда учтивостью считали лесть.
Вы, юноша, слуга Орсино.

Виола

А он ваш!
Слуга же вашего слуги обязан
И вашим быть, графиня.

Оливия

Я о нем
Не думаю; его же мысли лучше
Пусть будут неисписанным листком,
Чем мной наполнены.

Виола

Графиня, я
Пришел, чтоб ваши помыслы склонить
К нему, чье сердце полно…

Оливия

Извините,
О нем я говорить вам запретила.
Вот если б вам угодно было
Рассказать о ком-нибудь другом,
Мой слух бы этим насладился более,
Чем музыкою сфер.

Виола

Графиня…

Оливия

Позвольте на минуту! Прошлый раз
Вы здесь произвели очарованье,
И я за вами вслед послала перстень.
Я этим обманула и себя,
И моего слугу, и, верно, вас
Теперь невыгодному толкованью
Я подвергаюсь, навязавши вам
С лукавством недостойным эту вещь,
Принадлежащую не вам. Ну что же?
Вы что подумали? Вы честь мою
Мишенью сделали – и полетели
В нее все необузданные мысли,
Как стрелы, из души властолюбивой?
Для прозорливого ума, как ваш,

Я обнаружила довольно: сердце
Мое прикрыто дымкою – не грудью.
Так говорите же теперь и вы.

Виола

Я сожалею…

Оливия

Это шаг к любви.

Виола

Ни на вершок; из опыта мы знаем,
Что часто сожалеют о врагах.

Оливия

Так, стало быть, опять пора смеяться!
Как возгордиться нищему легко!
Но если должно пасть добычей, лучше
Попасться в когти льву, чем в зубы волку.
Бьют часы.
Звон колокольчика напомнил мне,
Что я теряю время. Успокойтесь,
Я не желаю вас, мой друг.
Ваш путь идет туда, на запад.
Когда в вас молодость и ум созреют,

Завидный будет у супруги вашей муж.

Виола

Итак, на запад! Вас да осенят
Дары небес, веселие и счастье!
А государю моему ни слова?

Оливия

Скажи, что думаешь ты обо мне?

Виола

Я думаю, душа в вас говорит
«Оливия – не то, что есть».

Оливия

Так знай:
Я то же думаю и о тебе.

Виола

Вы не ошиблись: я – не я, синьора.

Оливия

Желала бы тебя я видеть тем,
Чем я хочу.

Виола

Когда бы я тогда
Стал чем-нибудь получше – я того
Желал бы: а теперь я ваш дурак.

Оливия

О, сколько прекрасного в этих устах,
Когда на жемчужных в коралле зубах
Змеятся насмешка, и гнев, и презренье.
Любовь, ты недолго свое откровенье
Таишь, как сознанье кровавой вины.
Цезарьо, клянусь тебе розой весны,
Клянусь непорочной души чистотою
И всем, что священно, – любовью святою!
Тебя полюбила я, как ты ни горд!
Мой ум перед сердцем без силы простерт.
Зачем же себя оградил ты молчаньем,
Когда я сгораю безумным желаньем?
Цезарио, сладко в любви тосковать,
Но слаще ответ на любовь отыскать!

Виола

Клянусь моей юностью, в этой груди

Есть сердце и верность; но ими владеет
Не женщина. Кроме меня не посмеет
Никто воцариться на троне души.
Прощайте, графиня. Вперед я не стану
Описывать графа сердечную рану.

(Уходит.)

Оливия

Вернись! Мое сердце ты можешь склонить
Любовью, мне чуждою, графа любить!

Уходит.

Сцена вторая

Комната в доме Оливии.
Входят сэр Тоби, сэр Эндрю и Фабиан.

Сэр Эндрю. Нет, ей-богу, я не останусь ни минуты дольше.

Сэр Тоби. Почему, великолепная ярость? Скажи, почему?

Фабиан. Вы непременно должны сказать нам причину, сэр Эндрю.

Сэр Эндрю. Ну, я видел твою племянницу: она гораздо была ласков все со слугою графа, чем со мной когда-нибудь.

Там, в саду я это видел.

Сэр Тоби. А видела она тогда тебя, старый ребенок? Ну говори!

Сэр Эндрю. Ясно, как я теперь вас…

Фабиан. Это сильное доказательство, что она вас любит.

Сэр Эндрю. Черт возьми! Хотите вы сделать из меня осла?

Фабиан. Я докажу вам это законным порядком; ум и разум присягнут в этом.

Сэр Тоби. А они были присяжными, когда еще Ной не плавал в ковчеге.

Фабиан. Она любезничала с этим молодцом на ваших глазах единственно для того, чтоб пробудить спящее мужество, наполнить огнем вашу грудь и пламенем – сердце. Вам бы тогда подойти и заставить молчать этого молодца самыми лучшими и свежими, как с иголочки, шутками. Этого от вас ожидали – и обманулись. Вы позволили времени смыть двойную позолоту этого случая, и в мнении графини поплыли на север, где и будете висеть, как ледяная сосулька на бороде голландца, пока не исправите дела каким-нибудь отличным порывом храбрости или тонкою политикой.

Сэр Эндрю. Коли надо этому быть, так надо, чтоб храбростью. Политику я ненавижу. По-моему, лучше уж быть пуританином, чем заниматься политикой.

Сэр Тоби. Пожалуй, построим твое счастье на основании храбрости. Так вызови ж графского посла на дуэль и изрань

его в одиннадцати местах. Племянница моя узнает об этом, и будь уверен, что никакая сваха в мире не отрекомендует тебя женщине так хорошо, как слава храбрости.

Фабиан. Другого средства не остается, сэр Эндрю.

Сэр Эндрю. Согласен кто-нибудь из вас отнести к нему мой вызов?

Сэр Тоби. Иди и напиши его рукою Марса, дерзко и кратко. До остроумия дела нет, было бы красноречиво да замысловато. Разругай его во весь лист. Не помешает, если ты ему «тыкнешь» с полдюжины раз. Сади ложь на ложь, сколько их уместится на листе бумаги, будь он длиной в простыню на кровать в Уоре[23], в Англии. Ступай да смотри, чтобы в чернилах твоих нашлось довольно желчи, хоть ты и пишешь гусиным пером. Но это не важность. За дело.

Сэр Эндрю. Где мне вас найти?

Сэр Тоби. Мы позовем тебя ex cubiculo[24]. Иди только.

Сэр Эндрю уходит.

Фабиан. Дорогой это для тебя человек, сэр Тоби.

Сэр Тоби. Да и я ему недешево обошелся: тысячи в две-три.

Фабиан. Мы получим от него редкость, не письмо; но ведь ты его не отдашь?

---

[23] «…длиной в простыню на кровать в Уоре». – Огромная кровать в г. Уор (графство Херефордшир) в главной спальне в гостинице «Лось» была достопримечательностью в Англии. Ее ширина равнялась восьми футам, и на ней могли поместиться 24 человека.

[24] В спальню (лат.); здесь: в жилище.

Сэр Тоби. Уж, конечно, нет; но все-таки буду подстрекать молодца выйти на его вызов. Я думаю, их и волами не стащишь вместе. Что же касается нашего рыцаря, так, если его вскроют и найдут в нем крови блохе на завтрак, – я готов съесть все остальное.

Фабиан. Да и противник его, этот молодой человек, судя по лицу, не обещает особенной свирепости.

Входит Мария.

Сэр Тоби. Смотри, вот и соловей наш!

Мария. Хотите заболеть от смеха, так пойдемте со мной. Этот болван Мальволио сделался идолопоклонником, настоящим ренегатом. Никакой мусульманин, уповающий на блаженство в своей вере, не верует в такую кучу глупейших вещей. Он уже в желтых чулках.

Сэр Тоби. И с подвязками накрест?

Мария. Да, и гуляет, точно цапля в болоте. Я шла за ним тайком как вор, и знаю, что он сообразуется с каждой буквой моего письма. Едва улыбнется он, как на лице его является больше линий, чем на новой карте с обеими Индиями! Вы не можете себе представить всего этого, и я едва могла удержаться, чтоб не швырнуть ему что-нибудь в голову Я уверена, что графиня даст ему пощечину, а он, улыбаясь, примет это как особенную милость.

Сэр Тоби. Пойдем, пойдем! Веди нас.

Сцена третья

Улица.
Входят Антонио и Себастиан.

Себастиан

Я не хотел тебя обеспокоить,
Но если этот труд тебе не в тягость,
Так я тебя не стану и бранить.

Антонио

Тебя покинуть я не мог желанье,
Острейшее зубчатой стали шпор,
Меня погнало за тобою следом,
И не одна охота повидаться —
Хотя и этого уже довольно,
Чтобы завлечь меня в далекий путь, —
Но также и забота, каково
Ты совершишь свой путь, страны не зная,
Которая чужому, без друзей
И без путеводителя, нередко
Является угрюмою пустыней.
Вот опасения мои, и с ними
Моя любовь тем больше поспешила
Вслед за тобой.

Себастиан

Мой добрый друг Антонио,
Благодарю, благодарю, благодарю —
Вот все, чем отвечать тебе могу я.
За добрые услуги часто платят
Такой невыгодной монетой… Да,
Будь кошелек мой полон, как душа,
Ты лучшую награду получил бы.
Ну чем заняться? Не пойти ли в город
Взглянуть на древности его?

Антонио

До завтра
Сперва квартиру надо поискать.

Себастиан

Я не устал, и до ночи далеко.
Пожалуйста, порадуем наш взор,
Пойдем взглянуть на славные строенья
И монументы города.

Антонио

Нет, извини,
Мне здесь по улицам ходить опасно.

В морском сраженье с кораблями графа
Раз удалось мне службу сослужить
Такую, что уж мне не оправдаться,
Когда б им удалось меня поймать.

Себастиан

Ты много истребил его людей?

Антонио

Нет, мой проступок не такой кровавый,
Хоть обстоятельства и спор могли
Быть поводом кровавого убийства.
Конечно, дело можно было сладить
Вознагражденьем отнятых вещей,
Да многие из наших добрых граждан
И поступили так торговли ради,
Но я не захотел. Итак, мой друг,
Мне дорого придется покаянье,
Когда меня поймают здесь теперь.

Себастиан

Так не ходи по улицам так явно.

Антонио

И не пойду. На, вот мой кошелек.

Квартиры лучшие в предместье юга,
В гостинице под вывеской «Слона».
Я закажу обед, а ты покамест
Умножь познанья, исходивши город,
И время за нос поводи. Меня
Найдешь в гостинице.

Себастиан

К чему мне кошелек?

Антонио

На случай, если что-нибудь себе
Купить захочешь, чтобы не нуждался.

Себастиан

Итак, твоим я буду казначеем.
Прощай же.

Антонио

Жду под вывеской «Слона».

Себастиан

Явлюсь – не позабуду.

Уходят.

Сцена четвертая

Сад Оливии.
Входят Оливия и Мария.

Оливия

За ним послала я. Когда придет он,
Как угостить его? Чем одарить?
Для молодости золото так мило!
Я говорю так громко! Где Мальволио?
Он вежлив и торжествен. В этом деле
Такой слуга с руки. Мальволио!

Мария

Он
Идет сюда, графиня; только странен
До крайности. Он, верно, помешался.

Оливия

Что сталось с ним? Он бредит?

Мария

Нет, нисколько,
Он только улыбается. Не худо,
Чтоб кто-нибудь, графиня, был при вас
На всякий случай. Право, он рехнулся.

Оливия

Поди-ка позови его скорей.

Мария уходит.

И я безумная, как он, когда
Веселое безумство сходно с грустным.

Мария возвращается с Мальволио.

Оливия. Как поживаешь, Мальволио?

Мальволио *(улыбаясь изысканно).* Прелестная графиня! Хе-хе!

Оливия. Ты улыбаешься? А я позвала тебя по серьезному делу.

Мальволио. По серьезному, графиня? Конечно, я мог бы быть серьезным, так как эти подвязки накрест останавливают и сгущают кровь. Впрочем, что за дело? Если это приятно взорам одной, то я готов повторить правдивый сонет: «Уж если нравлюсь я одной, то нравлюсь всем, само собой!»

Оливия. Что с тобою, Мальволио? Здоров ли ты?

Мальволио. У меня не черная душа, хотя и желтые чулки. Письмо в моих руках, и повеления должны быть исполнены. Надеюсь, я знаю этот прекрасный латинский почерк.

Оливия. Не лечь ли тебе в постель, Мальволио?

Мальволио. В постель? Да, душа моя, я приду к тебе.

Оливия. Господь с тобой! С какой стати ты улыбаешься и беспрестанно посылаешь воздушные поцелуи?

Мария. Как ваше здоровье, Мальволио?

Мальволио. Вам желательно знать? Но разве соловьи отвечают сорокам?

Мария. Что это значит, что вы являетесь к графине с таким смешным бесстыдством?

Мальволио. «Не бойся величия». Это было прекрасно сказано.

Оливия. Что ты хочешь этим сказать, Мальволио?

Мальволио. «Одни родятся великими…»

Оливия. Ну?

Мальволио. «Другие приобретают величие…»

Оливия. Что ты говоришь?

Мальволио. «А иным его бросают».

Оливия. Да поможет тебе небо!

Мальволио. «Вспомни, кто хвалил твои желтые чулки…»

Оливия. Твои желтые чулки?

Мальволио. «Кто желал тебя видеть с накрест завязанными подвязками…»

Оливия. С подвязками накрест?

Мальволио. «Смелей: счастье к твоим услугам, если ты только хочешь…»

Оливия. К моим услугам?

Мальволио. «Если ж нет, так оставайся навсегда: слугою».

Оливия. Да это совершенное безумие!

Входит слуга.

Слуга. Ваше сиятельство, молодой кавалер от графа Орсино пришел снова, и я едва уговорил его подождать. Он ожидает ваших приказаний.

Оливия. Сейчас приду.

Слуга уходит.

Любезная Мария, пожалуйста, позаботься об этом человеке. Где Тоби? Пусть двое из моих людей хорошенько за ним присматривают. Ни за что в мире не желала бы я чтоб с ним случилось какое-нибудь несчастье.

Оливия и Мария уходят.

Мальволио. Ага, еще яснее! Да-с! Не кто-нибудь, а сам сэр Тоби должен обо мне заботиться, что совершенно согласно с письмом. Она нарочно посылает его ко мне, чтоб я обошелся с ним грубо, о чем сказано и в письме. «Сбрось эту смиренную оболочку, – пишет она, – и будь груб с моим родственником, ворчи на прислугу; из уст твоих да зазвучат речи политические; веди себя странно».

И прибавляет затем, что при этом необходимы «серьезное

лицо, важная; поступь, медленная речь, на манер вельмож» и тому подобное. Попалась, голубушка! Конечно, это милость богов! и боги найдут меня благодарным. «А слова при уходе: «Позаботьтесь об этом человеке». Не о Мальволио, не о дворецком, а о человеке! Да, все в наилучшей гармонии: ни скрупула[25], ни грана сомнения, никакого препятствия, никакого невероятного или двусмысленного обстоятельства. Что тут возразить? Ничто не может стать между мною и далекой перспективой моих надежд. Боги, а не я совершили это и им принадлежит благодарение.

Мария возвращается с сэром Тоби и Фабианом.

Сэр Тоби. Где он, во имя всего святого? Я заговорю с ним, хотя бы в него вселились все бесы ада, хотя бы им завладел целый легион их.

Фабиан. Вот он! Вот он! Что с вами, сударь? Что с вами, почтеннейший?

Мальволио. Ступайте, я отпускаю вас. Оставьте меня наслаждаться моим уединением. Ступайте прочь!

Мария. Прислушайтесь, как глухо говорит в нем лукавый! Не говорила ли я вам? Сэр Тоби, графиня просит вас позаботиться о нем.

Мальволио. Эге! В самом деле?

Сэр Тоби. Тише, тише! С ним должно обходиться ласково. Оставьте, уж я знаю как. Что с тобою, Мальволио? Здо-

---

[25] Скрупул – старинная аптекарская мера веса, равная 20 гранам, или 1,3 грамма.

ров ли ты? Что ж, друг мой, сатане должно противиться; подумай, ведь он враг человека.

Мальволио. Знаете ли вы, что вы говорите?

Мария. Видите, как он принимает к сердцу, когда говорят худо о сатане! Дай Бог, чтоб он не был заколдован!

Фабиан. Показать бы его мочу ворожее.

Мария. Завтра же утром, непременно. Графиня ни за что в мире не хотела бы его лишиться.

Мальволио. Ты думаешь?

Мария. О Господи!

Сэр Тоби. Пожалуйста, замолчи! Это совсем не то, и разве вы не видите, что вы его только раздражаете? Оставьте, уж я один справлюсь.

Фабиан. Не иначе, как ласково: лукавый зол и не терпит возражений.

Сэр Тоби. Ну что ты поделываешь, голубок мой? Как поживаешь, мой цыпленочек?

Мальволио. Милостивый государь!

Сэр Тоби. Поди сюда! Цып, цып! Нет, сударь, важному человеку; не пристало играть с сатаною в бабки. Изыди, окаянный!

Мария. Заставьте его проговорить молитву, добрейший сэр Тоби, заставьте его молиться.

Мальволио. Молиться, выдра?

Мария. Видите, я вам говорила: он и слышать не хочет о страхе Божьем.

Мальволио. Убирайтесь на виселицу! Болваны, ничтожные твари, не к вашей сфере я принадлежу. Вы обо мне еще услышите. *(Уходит.)*

Сэр Тоби. Возможно ли?

Фабиан. Если представить на сцене, я бы назвал это, может быть, неправдоподобной выдумкой.

Сэр Тоби. Голова его битком набита нашей шуткой.

Мария. Так не отставайте от него, чтоб шутка наша не выдохлась.

Фабиан. Право, мы его сведем с ума.

Мария. Тем спокойнее будет в доме.

Сэр Тоби. Пойдем, свяжем его и засадим в темную комнату. Племянница моя уже уверена, что он сошел с ума, и мы можем продолжать нашу шутку себе на потеху, а ему на покаяние до тех пор, пока нам самим не надоест; а тогда можно и сжалиться. Мы поведем дело судебным порядком, а ты, амазонка, его освидетельствуешь. Смотри!

Входит сэр Эндрю.

Фабиан. Еще потеха!

Сэр Эндрю. Вот вам вызов, читайте! Ручаюсь, что соли и перцу довольно.

Фабиан. Ужели он так дерзко написан?

Сэр Эндрю. Ну да, ручаюсь. Прочтите только.

Сэр Тоби. Подай сюда. (Читает.) «Молодой человек! Кто бы ты ни был, ты все-таки собака».

Фабиан. Изящно и храбро!

Сэр Тоби *(читает).* «Не удивляйся и не изумляйся в душе своей, почему я тебя так называю, так как не говорю тебе причины».

Фабиан. Славный крючок! На нет и суда нет.

Сэр Тоби *(читает).* «Ты приходишь к графине Оливии, и она любезничает с тобою на моих глазах. Но ты лжешь – я тебя вовсе не за это вызываю».

Фабиан. Удивительно кратко и удивительно бессмысленно!

Сэр Тоби *(читает).* «Я подстерегу тебя на обратном пути домой, и если ты будешь столь счастлив, что убьешь меня…»

Фабиан. Славно!

Сэр Тоби *(читает).* «…то ты убьешь меня, как мерзавец и мошенник».

Фабиан. Ты все от выстрела в сторону.

Сэр Тоби *(читает).* «Прощай – и Господь да помилует одну из наших душ! Он может помиловать и мою; но я надеюсь на лучшее. Итак – берегись! Твой друг, смотря по тому, как ты меня встретишь, или твой заклятый враг – Эндрю Эгчик». Если это письмо его не взорвет, так его и порохом не сдвинешь с места. Я отдам ему его.

Мария. Вы сейчас можете это сделать, он теперь разговаривает с графиней и скоро уйдет.

Сэр Тоби. Ступай, сэр Эндрю, и подстереги его у садовой решетки, как охотник зайца. Только увидишь его – обнажи

шпагу и окати его потоком ужаснейших ругательств. Часто случается, что как проревешь медвежьим басом самую наиужаснейшую ругань, так прослывешь храбрым гораздо больше, чем от настоящего дела. Марш!

Сэр Эндрю. Ну уж ругаться я сумею. *(Уходит.)*

Сэр Тоби. Письма-то я, конечно, не отдам. Обращение этого молодого человека доказывает, что он умен и хорошо воспитан, да и посредничество его между его господином и моею племянницею подтверждают это. Итак, письмо не испугает его, так как оно глупо как нельзя более, и он тотчас смекнет, что оно написано ослом. Вместо этого я устно передам ему вызов, наговорю с три короба о храбрости Эндрю и поселю в нем высокое мнение о его ярости, ловкости и вспыльчивости. Он так молод, что поверит всему. Это обоих их так перепугает, что они уничтожат друг друга глазами, как василиски[26].

Входят Оливия и Виола.

Фабиан. Вот он с твоей племянницей. Оставим его с ней проститься, а там и на приступ.

Сэр Тоби. А между тем я выдумаю самые страшные выражения для вызова.

Сэр Тоби, Фабиан и Мария уходят.

Оливия

---

[26] Василиск (лат. Basiliscus) – мифический чудовищный змей, наделенный сверхъестественной способностью убивать не только ядом, но и взглядом, и даже дыханием, от которого сохла трава и растрескивались скалы.

Уж слишком много высказала я
Для сердца каменного. Честь мою
Я необдуманно опасности подвергла;
Меня в проступке что-то укоряет,
Но он так необуздан и силен,
Что насмехается над укоризной.

Виола

Как душу вам снедает злая страсть,
Так от нее мой господин страдает.

Оливия

Прошу, носите из любви ко мне
Вот этот перстень: это мой портрет.
Не откажите – мучить вас не станет
Он болтовней своей – и приходите,
Прошу вас, завтра поутру опять.
В какой из просьб могу я отказать,
Когда она не оскорбляет чести?

Виола

Прошу любви одной для господина.

Оливия

Отдать могу ли без ущерба чести
Я графу то, что вам уж отдала?

Виола

Я разрешаю.

Оливия

Хорошо, но завтра
Будь здесь. Злой дух такой, как ты, друг мой,
Способен в ад увлечь меня с собой!

(Уходит.)

Сэр Тоби и Фабиан возвращаются.

Сэр Тоби. Здравствуй, молодой человек!

Виола. Здравствуйте, сударь.

Сэр Тоби. Какое бы оружие с тобою ни было, изготовь его. Что за обиду ты ему нанес – я не знаю, но твой противник, разъяренный и кровожадный, как охотник, ожидает тебя в конце сада. Шпагу наголо! Не мешкай. Твой неприятель скор, ловок и убийствен.

Виола. Вы ошибаетесь, сударь, я уверен, что у меня ни с кем нет ссоры. Память моя не подсказывает мне никакой нанесенной мною обиды.

Сэр Тоби. Уверяю вас, что дело обстоит как раз наоборот, и, если вы хоть сколько-нибудь дорожите своею жизнью,

будьте осторожны: на стороне вашего противника все выгоды, какие только может доставить молодость, сила, ловкость и гнев.

Виола. Скажите же, пожалуйста, кто он?

Сэр Тоби. Он рыцарь, возведенный в это достоинство прикосновением незазубренного меча на шитом ковре, но в поединке он сущий черт он уже трижды отделил душу от тела – и гнев его в эту минуту так непримирим, что нет ему другого удовлетворения, кроме смерти и похорон. Валяй! Девиз его – «все, или ничего»!

Виола. Я возвращусь в дом и выпрошу у графини провожатых. Я не забияка. Слышал, правда, что есть люди, которые нарочно завязывают ссоры с другими в доказательство своей храбрости. Может и он того же десятка.

Сэр Тоби. Нет, сударь, гнев его основан на существенной обиде. Итак, вперед! Вы должны с ним драться. Вы не войдете в дом, не подравшись со мною, а драться вы можете все равно и с ним. Итак, вперед или обнажайте сейчас вашу шпагу. Драться вы должны – это решено, или должны навсегда отказаться от права носить шпагу.

Виола. Это столь же неучтиво, сколь и странно. Сделайте мне одолжение, спросите, чем я его обидел. А если случилось, то, верно, без умысла, по неосторожности.

Сэр Тоби. Извольте! Фабиан, останься с ним, пока я ворочусь. *(Уходит.)*

Виола. Вы, милостивый государь, знаете что-нибудь об

этой ссоре?

Фабиан. Я знаю только, что он очень на вас зол и будет драться не на жизнь, а насмерть. Больше мне ничего неизвестно.

Виола. Скажите, что он за человек?

Фабиан. Наружность его не обещает ничего необыкновенного, но вы на деле узнаете его мужество. Поистине, он самый ловкий, кровожадный и опасный соперник во всей Иллирии. Угодно вам идти ему навстречу – я вас помирю, если возможно.

Виола. Я был бы вам очень благодарен. По мне, лучше иметь дело со священником, чем с рыцарем; я не забочусь о том, считают ли меня храбрым.

Уходят.

Сцена пятая

Улица рядом с садом Оливии.
Входят сэр Тоби и сэр Эндрю.

Сэр Тоби. Да, братец, это черт, а не человек! Я еще не видывал такого рубаки. Я пошел было с ним на ножнах – так, для пробы, – но он выпадает с такою дьявольскою быстротою, что хоть брось, и если он отпарировал, то наносит удар так же верно, как нога касается земли, когда сделаешь шаг.

Он был, говорят, первым фехтовальщиком у турецкого султана.

Сэр Эндрю. Черт возьми! Я не хочу с ним драться!

Сэр Тоби. Да уж теперь он сам не идет назад. Фабиан едва его там сдерживает.

Сэр Эндрю. Провались он! Если б я знал, что он такой бойкий и мастер драться, так черт бы его взял прежде, чем я его вызвал. Постарайся только, чтоб он бросил это дело, – и я дам ему моего серого жеребца.

Сэр Тоби. Пожалуй, я сделаю ему это предложение. Погоди здесь и держи себя бодрее. (В сторону.) Это кончится без крови и убийства. А на твоей лошадке я поеду так же, как и на тебе, дружок.

Входят Фабиан и Виола.

(Фабиану.) Он дает свою лошадь за мировую. Я уверил его, что этот молокосос чуть не сам дьявол.

Фабиан *(сэру Тоби).* А тот столь же высокого мнения о нашем рыцаре. Он бледен и дрожит, как будто у него медведь за спиною.

Сэр Тоби *(Виоле).* Нет спасения, сударь, он непременно хочет с вами драться, потому что поклялся. Что же касается ссоры, так он одумался и видит теперь, что дело не стоит порядочного слова. Итак, обнажите шпагу, чтоб дать ему возможность не нарушить своей клятвы. Он уверяет, что не нанесет вам вреда.

Виола *(в сторону).* Боже, еще немного – и я признаюсь,

какой я мужчина.

Фабиан. Когда заметите, что он разгорячился, то отступайте.

Сэр Тоби. Что, брат Эндрю, нет спасения? Впрочем, он хотел сразиться с тобою только чести ради, так как без этого нельзя обойтись по законам дуэли; но он дал мне свое рыцарское слово, что не причинит тебе вреда. Живей же!

Сэр Эндрю. Дай Бог, чтоб он сдержал свое слово! *(Обнажает шпагу.)*

Виола *(обнажая шпагу).* Уверяю вас, что это против моей воли.

Входит Антонио.

Антонио *(сэру Эндрю)*

Стой – и в ножны вложите вашу шпагу!
Когда вас этот юноша обидел,
Я за него дерусь; а если вы
Его обидели, так вас зову на бой.

Сэр Тоби

Как, сударь, вы? Да вы-то кто такой?

Антонио

Я тот, кто больше за своих друзей
На деле делает, чем говорит.

Сэр Тоби *(обнажая шпагу).* Если вы такой забияка, так я к вашим услугам.

Входят двое полицейских.

Фабиан. Остановись, Тоби! Черт полицию принес.

Сэр Тоби *(к Антонио).* Мы после поговорим.

Виола *(сэру Эндрю).* Вложите вашу шпагу, если вам угодно.

Сэр Эндрю. Ей-богу, угодно! А что до того, что я вам обещал, так я сдержу мое слово. Он хорошо выезжен и не тугоузд.

1-й полицейский. Вот он – исполняй свой долг.

2-й полицейский

По повеленью герцога, под стражу
Я вас беру.

Антонио

Любезный, вы ошиблись!

1-й полицейский

Ничуть, я вас немедленно узнал,
Хоть вы теперь и не в матросской шапке.

Бери его: он знает, что я знаю.

Антонио *(Виоле)*

Я повинуюсь: это же случилось
Все оттого, что я пошел искать вас
Что ж делать, друг, пришлось мне поплатиться!
Что предпринять намерены вы? Я,
Нуждой гонимый, должен вас просить
Мне кошелек, вам данный, возвратить.
О, мысль, что я помочь уж вам не в силе,
Грызет меня сильнее, чем арест!
Я удивил вас. О, не унывайте!

2-й полицейский

Пожалуйте, сударь.

Антонио

Я принужден просить вас возвратить
Хоть часть из вам мной данных денег.

Виола

Деньги!
За теплое участие ко мне,
Которое вам много повредило
И довело отчасти до тюрьмы,

Я уделить готов вам половину
Из скудных средств моих.

Антонио

Ужель отречься
Решились вы? Ужель мои услуги
Я должен вам доказывать словами?
Не искушайте горя моего
И уст моих дойти не заставляйте
До вычисленья их пред вами здесь!

Виола

Увы, из них не знаю ни одной,
Да и лицо мне ваше незнакомо;
Неблагодарность же мне ненавистней лжи,
И хвастовства, и гордости, и пьянства,
И всех других пороков, что живут
И властвуют в крови, как острый яд.

Антонио

О правосудный Бог!

2-й полицейский

Пойдемте, сударь!
Прошу идти.

Антонио

Постой – два слова только!
Стоящего здесь юношу меж вами
Я выхватил почти из пасти смерти,
Берег его с любовию святой
И пред его наружностью склонялся,
Надеясь дух под ней найти высокий.

1-й полицейский

Что нам до этого за дело? Время
Летит стрелой – и нам пора идти.

Антонио

И истуканом стало божество!
Ты светлый лик навек свой обесчестил,
Себастиан! Природу очернила
Твоя душа – она мне заплатила
Неблагодарностью. Добро – есть красота,
Но зло прекрасное – есть пустота,
Одетая в блестящую одежду.

1-й полицейский. Он с ума сходит. Ведите его! Пойдем, пойдем!

Антонио. Ведите. *(Уходит с полицейскими.)*

Виола

Он говорил так бурно. Верит он
Своим словам; но я не верю.
О, если б вы сбылись, мои мечты!
О, если б, брат, из волн спасен был ты!

Сэр Тоби

Эндрю и Фабиан, в кабак направим путь,
Где, может быть, втроем срифмуем что-нибудь!

Виола

Он называл меня Себастианом!
Мой брат был схож лицом со мною точно
И, как мое, носил такое ж платье
О, если рок осуществит надежду,
Тогда и смерч, и гибельные волны
В моих глазах любови будут полны!

(Уходит.)
Уходят.

Сэр Тоби. Самый бесчестный, ничтожный молокосос и более трусливый, чем заяц. Что он бесчестен, это видно из того, что он оставил друга в нужде и отрекся от него. Что же касается его трусости, то спроси о том у Фабиана.

Фабиан. Трус, самый отъявленнейший из всех трусов!

Сэр Эндрю. Черт возьми, догоню и отваляю его!

Сэр Тоби. Дело! Колоти его, только не обнажай шпаги.

Сэр Эндрю. Еще бы не колотить!

Фабиан. Пойдем посмотрим, чем все это кончится.

Сэр Тоби. Держу пари да что угодно – из этого не выйдет ничего.

Уходят.

Действие IV

Сцена первая

Улица перед домом Оливии.
Входят Себастиан и шут.

Шут. Так вы хотите уверить меня, что я не к вам послан?

Себастиан

Довольно – ты, я вижу, ловкий парень,
И потому оставь меня в покое!

Шут. Славно сыграно! Значит, я вас не знаю, и графиня не к вам меня послала, чтоб пригласить к ней на пару слов, и зовут вас не Цезарио, и это не мой нос. Словом – все не так, как оно есть.

Себастиан

Поди и расточай свое безумье
Перед другими. Ты меня не знаешь.

Шут. Расточать свое безумье! Это словечко он подслушал о какой-нибудь знатной особе и применяет его к дураку. Расточать свое безумье! Право, того и смотри, что этот огром-

ный болван, свет, сделается модным франтом. Пожалуйста, брось свои причуды и скажи, чем мне следует расточиться перед графиней? Не вестью ли о том, что ты придешь?

Себастиан

Оставь меня в покое, глупый сводник.
Вот деньги – на, а не уйдешь – тебя
Я награжу и худшею монетой.

Шут. Клянусь честью, у тебя щедрая рука. Мудрецы, дающие деньги дуракам, приобретают тем себе добрую славу, если лет с дюжину не перестают набивать их карманы.

Входят сэр Тоби, сэр Эндрю и Фабиан.

Сэр Эндрю. А, сударь, попались! Вот вам! *(Бьет Себастиана.)*

Себастиан *(бьет его).* А вот тебе и сдача. Да что здесь, все перебесились?

Сэр Тоби. Остановись, или шпага твоя полетит к черту!

Шут. Сейчас все расскажу графине. Ни за какие деньги не хотел бы сидеть в какой-нибудь из ваших шкур. *(Уходит.)*

Сэр Тоби *(хватая Себастиана).* Перестаньте, будет!

Сэр Эндрю. Оставь, я иначе с ним расправлюсь. Я подам на него жалобу и, если в Иллирии есть еще законы, обвиню его, хоть я и первый ударил, что, впрочем, вздор.

Себастиан. Прочь руку!

Сэр Тоби. Э, не хочу – и дело с концом. Шпагу в ножны, герой! Хотя ты и храбр, но все-таки довольно.

Себастиан *(вырываясь)*

Все ж вырвусь я. Ну что теперь ты скажешь?
Ступай, а нет – так шпагу вынимай.

(Обнажает шпагу.)

Сэр Тоби. Что? Что? Так, стало быть, непременно нужно выпустить унции две твоей дерзкой крови? *(Обнажает шпагу.)*

Входит Оливия.

Оливия

Стой, Тоби, если жизнью дорожишь!
Ужели никогда твои поступки
Не переменятся? Неблагодарный!
Ты сотворен, чтоб жить в глухих степях,
Средь скал, где дикари лишь обитают.
Прочь с глаз моих! А ты не оскорбляйся,
Цезарио мой добрый!

(Сэру Тоби.)

Дерзкий, прочь!

Сэр Тоби, сэр Эндрю и Фабиан уходят.

Мой милый друг, не предавайся гневу
И сохрани владычество ума

Над этим грубым, дерзким нападеньем
На твой покой. Пойдем, я расскажу
Тебе про шутки буйные его —
И сам же ты над ними посмеешься.
Ты должен быть со мной – не откажи.
Будь проклят он! Тебя он оскорбил,
В тебе мое он сердце огорчил.

Себастиан

Откуда этот вихрь, видений полный?
В безумстве я или в глубоком сне?
Так усыпите ж чувства, Леты волны!
В таких мечтах не пробудиться мне!

Оливия

Пойдем, пойдем! Иди за мною смело.

Себастиан

Охотно.

Оливия

Слово будь отныне дело.

Уходят.

Сцена вторая

Комната в доме Оливии.
Входят Мария и шут.

Мария. Пожалуйста, надень вот эту рясу да прицепи бороду и уверь его, что ты отец Топас. Поспеши, а я позову между тем Тоби. (Уходит.)

Шут. Прекрасно, надену рясу и прикинусь святым отцом. Да, впрочем, не первый я притворщик под такой рясой. Я не так важен, чтоб мог сделать честь моему званию, и не так тощ, чтоб прослыть за ученого; однако же быть честным человеком и хорошим хозяином не хуже, чем прослыть великим ученым. Но вот мои товарищи.

Входят сэр Тоби и Мария.

Сэр Тоби. Да благословит вас Иегова, отец Топас!

Шут. Bonos dies[27], сэр Тоби. Как седовласый пражский отшельник, не умевший ни читать, ни писать, очень мудро сказал племяннице царя Горбодука[28]: «То, что есть, – есть» – так и я, поскольку я патер Топас, постольку я патер Топас. Ибо что такое то, если не то, и есть, если не есть?

---

[27] Добрый день (искаж. исп.).

[28] «…племяннице царя Горбодука». – Шут выдумывает отшельника, как и до того разные имена и истории. Здесь он приписал древнему британскому королю совершенно неведомую племянницу.

Сэр Тоби. Поговорите с ним, отец Топас.

Шут. Эй, кто там? Да будет мир в сей темнице!

Сэр Тоби. Каналья хорошо подражает, ловкая каналья!

Мальволио *(за сценой).* Кто меня зовет?

Шут. Патер Топас, пришедший посетить одержимого бесом Мальволио.

Мальволио. Отец Топас, отец Топас, добрый отец Топас, сходите к миледи!

Шут. Изыди, окаянный! Зачем истязуешь ты сего человека и говоришь только о леди?

Сэр Тоби. Премудро сказано, отец Топас!

Мальволио. Отец Топас, так жестоко еще никого вы не обижали. Отец Топас, не верьте, что я сошел с ума. Они засадили меня в ужасную темноту.

Шут. Сатана нечистый! Я называю тебя нежнейшим из твоих имен, ибо я одна из тех кротких душ, которые даже и с чертом обращаются вежливо. Ты говоришь, что в комнате темно?

Мальволио. Как в аду, отец Топас.

Шут. Однако ж в ней есть окна, прозрачные, как ставни и верхние окна, что на северо-юге светят, как черное дерево, а ты жалуешься на темноту.

Мальволио. Я не сумасшедший, отец Топас, говорю вам, что эта комната темна.

Шут. Безумный, ты в заблужденье. Но я говорю, что несть тьмы, кроме незнания, в которое ты погружен больше, чем

египтяне в их туман.

Мальволио. Я говорю, что эта комната темна, как незнание, будь оно темно, как сам ад. Повторяю, что никого еще не обижали так жестоко. Я сумасшедший столько же, как и вы. Испытайте это в каком угодно толковом разговоре.

Шут. В чем состоит учение Пифагора касательно диких уток?

Мальволио. В том, что душа нашей бабушки может жить в утке.

Шут. Что ты думаешь об этом учении?

Мальволио. Я считаю душу благородной и не причастен к его учению.

Шут. Прощай! Оставайся во тьме. Прежде чем я признаю в тебе здравый рассудок, ты должен признать учение Пифагора и бояться убить утку, чтоб не изгнать души твоей бабушки. Прощай!

Мальволио. Отец Топас! Отец Топас!

Сэр Тоби. Ай да отец Топас!

Шут. Не правда ли, что мне все к лицу?

Мария. Ты мог бы окончить дело без рясы и бороды: он тебя не видит.

Сэр Тоби. Теперь заговори с ним своим голосом и приди мне сказать, как ты его найдешь. Как бы было хорошо развязаться с этой шуткой добром! Если можно выпустить его кстати, так пусть себе идет, потому что мои отношения с графиней теперь так дурны, что я не могу безопасно дотя-

нуть шутку до конца. Приходи ко мне в комнату.

Сэр Тоби и Мария уходят.

Шут *(поет)*

Дружок, ты скажи,
Любит ли тебя
Душенька твоя?

Мальволио

Дурак!

Шут *(поет)*

Нет, не любит – разлюбила!

Мальволио

Дурак!

Шут *(поет)*

Ой, за что ж тебя забыла?

Мальволио

Дурак, говорю я.

Шут *(поет)*

Знать, другого полюбила!

Мальволио. Душа моя, шут, если ты хочешь крепко обязать меня, достань мне свечку, перо, бумагу и чернила. Как честный человек, я всю жизнь буду тебе благодарен.

Шут. Господин Мальволио…

Мальволио. Да, любезный шут.

Шут. Ах, сударь, как это вы лишились ваших пяти чувств?

Мальволио. Шут! Никогда и никого еще не обижали так жестоко. Я так же хорошо владею моими чувствами, как и ты, шут.

Шут. Только так? Так ты, право, не в своем уме, если твои чувства не лучше моих, дурацких.

Мальволио. Они заперли меня здесь, держат впотьмах, присылают ко мне священников, ослов и вообще всеми средствами стараются лишить меня рассудка.

Шут. Подумайте, что вы говорите, патер ведь здесь. *(Переменив голос.)* Мальволио! Мальволио! Да восстановит небо твой рассудок. Постарайся заснуть и перестань врать пустяки.

Мальволио. Отец мой…

Шут. Не заводи с ним речей, сын мой. – Кто? Я, отец Топас? Нет, ни за что! Господь с вами! – Аминь. Да будет так.

Мальволио. Дурак! Дурак!

Шут. Что с вами, успокойтесь! Меня бранят за то, что я с вами разговариваю.

Мальволио. Душенька шут, достань мне огня и бумаги. Уверяю тебя, я не безумнее кого другого в Иллирии.

Шут. Если б это была правда, Господи!

Мальволио. Как честный человек, это правда! Достань мне, милый шут, чернила, свечу и бумаги и передай графине, что я напишу: тебе дадут за это больше, чем когда-нибудь давали почтальону.

Шут. Достану, так и быть. Но скажите мне по правде: вы точно сошли с ума или только так, притворяетесь?

Мальволио. Поверь же, что нет; я говорю правду.

Шут. Помешанному я не поверю, не видев его мозга. Сейчас принесу вам свечу, бумагу и чернила.

Мальволио. Шут, я щедро награжу тебя. Пожалуйста, иди.

Шут уходит.

Сцена третья

Сад Оливии.
Входит Себастиан.

Себастиан

Вот светлый Феб, вот воздух, вот земля,
Вот перстень, что она мне подарила;
Он предо мной, я чувствую его,
Хотя я и опутан волшебством.
Но это не безумство. Где Антонио?
Я не нашел в гостинице его;
Но он был там: хозяин мне сказал,
Что в город он пошел меня искать.
Теперь его совет мне был бы дорог,
Как золото. Рассудок в ссоре с чувством,
Хоть я и почитаю все ошибкой,
А не безумством; но прилив Фортуны
Так беспримерен, так непостижим,
Что я готов глазам своим не верить.
Я должен спорить с собственным умом:
Он говорит, что кто-то здесь безумный.
Она – в уме, и это ясно; как
Иначе управлять бы ей прислугой,
Давать приказы, принимать послов —
И все так тихо, твердо и умно?
Тут где-то есть обман. Но вот она!

Входит Оливия со священником.

Оливия

Прости мою поспешность! Если ты
Желаешь мне добра – пойдем со мною:
В часовне, что недалеко отсюда,

Ты передашь духовному отцу
Святую клятву вечного союза —
И успокоится в моей груди
От страха замирающее сердце.
Он в тайне сохранит наш брак,
Пока ты объявить его захочешь, —
И свадьбу мы отпразднуем тогда
Прилично сану моему. Что скажешь?

Себастиан

Я клятву верности готов произнести
И вечно сохранять ее в моей груди.

Оливия *(священнику)*

Веди же нас, отец. Нас Бог благословит,
И благодать его союз наш осенит.

Действие V

Сцена первая

Улица перед домом Оливии.
Входят шут и Фабиан.

Фабиан. Если ты меня любишь, покажи мне письмо его.

Шут. Любезный Фабиан, сделай мне за то другое одолжение.

Фабиан. Все, что ты хочешь.

Шут. Не требуй этого письма.

Фабиан. То есть ты даришь мне собаку и в награду требуешь ее назад.

Входят герцог, Виола, Курио и свита.

Герцог. Вы люди графини Оливии?

Шут. Точно так, мы часть ее домашнего обихода.

Герцог. Тебя-то я хорошо знаю. Каково поживаешь, молодец?

Шут. По правде сказать, с врагами лучше, чем с друзьями.

Герцог. Нет, с друзьями лучше.

Шут. Нет, государь, хуже.

Герцог. Как же это?

Шут. Да вот как друзья хвалят меня и делают из меня осла, а враги прямо говорят мне, что я осел. Следовательно, с врагами я учусь самопознанию, а друзья меня надувают. Итак, если умозаключения похожи на поцелуи и если четыре отрицания составляют два утверждения, то чем больше друзей, тем хуже, чем больше врагов, тем лучше.

Герцог. Хорошо! Прекрасно!

Шут. Нет, государь, право нет, хоть вам и угодно быть одним из моих друзей.

Герцог. От моей дружбы тебе хуже не будет: вот тебе золотой.

Шут. Если бы это не значило повторять дважды то же самое, сэр, так не мешало бы удвоить.

Герцог. О, ты даешь мне худой совет!

Шут. На этот раз опустите, сударь, вашу щедрость в карман – и да повинуются ей ваши кровь и тело!

Герцог. Так и быть, согрешу вдвойне.

Шут. Primo, secundo, tertio[29] – и тогда будет ладно. Старая пословица говорит, «без троицы дом не строится»; такт в три четверти – веселый такт; колокол, созывающий на молитву, может вас убедить в том: он всегда звонит «динь-динь-динь»!

Герцог. Этой шуткой ты не выманишь больше денег из моего кармана. Если тебе угодно доложить графине, что я желаю, с ней говорить, и проводить ее сюда, так это вернее

---

[29] Во-первых, во-вторых, в-третьих (лат.).

пробудит мою щедрость.

Шут. Пусть же почивает, пока я ворочусь. Я иду, государь Однако вы не должны думать, что моя любовь к золоту есть сребролюбие. Щедрость ваша пусть немного вздремнет – и я ее разбужу. *(Уходит.)*

Входят Антонио и полицейские.

Виола

Вот, государь, спаситель мой идет.

Герцог

Его лицо знакомо мне, хотя
В последний раз я видел его черным,
Запачканным в дыму, как у Вулкана
Он был начальником на плоскодонном
Ничтожном корабле и так жестоко,
Так разрушительно схватился с лучшей,
Сильнейшей частью флота моего,
Что даже зависть и язык утраты
Ему и честь и славу отдавали.
В чем дело?

1-й полицейский

Государь, вот тот Антоньо,
Который «Феникса», с богатым грузом

К нам плывшего из Кандии[30], схватил.
Вот тот, который полонил «Орла»,
При чем погиб ваш молодой племянник.
Сейчас его на дерзком поединке
Мы на одной из улиц захватили.

Виола

Он шпагу мне в защиту обнажил,
Но под конец заговорил так странно,
Что все слова его за бред я счел.

Герцог

Прославленный пират, вор океана,
Что за безумная отвага предала
Тебя во власть людей, которых кровью
К себе вражду навек запечатлел?

Антонио

Орсино, благородный государь,
Позвольте сбросить эти имена:
Антонио не вор и не пират,
Хотя и был врагом твоим суровым.
Сюда меня волшебство завлекло,
Причем из грозной пасти злого моря

---

[30] Кандия – древнее название острова Крит.

Я юношу бесчувственного спас
Вот он! Он был уже добычей смерти;
Но жизнь ему я смело подарил,
А с ней и страсть без меры и границы,
Со всей ее горячей полнотой.
Я для него, мне милого, решился
Вступить сюда, в враждебный этот город,
И за него же шпагу обнажил.
Когда ж меня схватили, он, презренный,
Не захотев со мною разделить
Моей беды, отрекся от меня.
Тогда он тотчас стал мне вовсе чужд,
Как вещь, погибшая в волнах морских.
Он отказал мне в кошельке моем,
Что я вручил ему пред тем за полчаса.

Виола

Но как могло случиться это все?

Герцог

Когда же к нам он в город возвратился?

Антонио

Сегодня утром, славный государь.
Три месяца мы были неразлучны,
Не расставались ни на полминуты

Ни днем ни ночью.

Входит Оливия со свитой.

Герцог

Вот идет графиня!
На землю к нам спустились небеса!
Ты говоришь, как сумасшедший: он
Три месяца уж служит у меня.
Но мы поговорим об этом после.
Теперь же с ним посторонись скорей.

Оливия

Что вам угодно, славный государь?
Оливия готова вам служить
Во всем и всем, с одним лишь исключеньем.
Цезарио, ты слова не сдержал.
Ну что сказать в ответ на это можешь?

Виола

Мой повелитель хочет говорить —
И я молчу…

Оливия

Когда запеть хотите

На старый лад, то я отвечу вам,
Что это слуху моему противно,
Как после музыки – собачий лай.
Герцог
По-прежнему жестока.

Оливия

Постоянна
По-прежнему.

Герцог

В жестокости? Увы,
Неумолимая красавица, на твой
Алтарь неблагодарный приносил я
Души моей священнейшие жертвы —
И все напрасно! Что же делать мне?

Оливия

Что вы почтете более приличным.

Герцог

Так почему ж бы мне не умертвить
Того, что для меня всего милее,
Как египтянин тот, который в час

Кончины злой убил свою подругу?[31]
И разве необузданная ревность
Не на границе благородства? Слушай,
Ты верностью моей не дорожишь,
А тот, кто вытеснил меня из сердца
И из любви твоей, – того я знаю.
Ты, непреклонная, ты будешь жить,
Но этого любимца твоего,
Которого и я люблю не меньше, —
Его я оторву от гордых взоров,
Где государю своему назло
Он царствует! Цезарио, пойдем!
До зла моя решительность дозрела:
Я умерщвлю любимого ягненка,
Чтоб растерзать в голубке сердце злое.

Виола

Я тысячу смертей готов принять,
Чтоб вам покой и утешенье дать.

Оливия

Цезарио, куда?

Виола

---

[31] Имеется в виду герой греческого романа «Теаген и Хариклея» Теаген, который, чувствуя приближение собственной смерти, убил свою возлюбленную.

За государем,
Которого люблю, как свет очей,
Как жизнь, как счастие души моей, —
Люблю так страстно, горячо и сильно,
Как женщину мне не любить. Всесильный,
Когда я лгу, права святой любви
Ты смертью отомсти в моей крови!

Оливия

О, я несчастная, он обманул меня!

Виола

Кто обманул вас, кто вас оскорбил?

Оливия

Давно ли? Иль себя ты позабыл?
Позвать священника!

Слуга уходит.

Герцог

Пойдем! За мной!

Оливия

Куда, супруг, Цезарио мой милый?

Герцог

«Супруг»?

Оливия

Супруг! Ты можешь ли отречься?

Герцог

Ты муж ее?

Виола

Нет, государь, не я.

Оливия

О, это страх твой рабский говорит!
От собственности отказаться он
Тебе внушил! Цезарио, не бойся,
Не отвергай Фортуны! Будь открыт
Тем, чем ты стал, чего достиг ты втайне, —
И ты велик, как то, чего боишься.

Входит священник.

Оливия

Добро пожаловать! Я заклинаю
Твоим священным саном: объяви,
Что с этим юношей я совершила
В твоем присутствии. Хотя недавно
Мы в тайне думали все сохранить,
Но случай все теперь разоблачает.

Священник

Союз любви вы предо мной свершили;
Он укреплен соединеньем рук,
Он утвержден разменом ваших колец,
Запечатлен священным поцелуем;
Все брачные обряды скреплены
Моей рукой. И вот двумя часами
С тех пор я ближе к гробу моему.

Герцог

Чем будешь ты, лукавое созданье,
Когда тебя покроет седина?
Иль ты до старости не доживешь
И жертвой лжи губительной падешь?
Она твоя: ты можешь наслаждаться;
Но берегись, чтоб нам не повстречаться!

Виола

Клянусь вам, государь!

Герцог

О, не клянись
И сохрани хоть каплю чести чистой
Среди избытка страха своего!

Входит сэр Эндрю с окровавленной головой.

Сэр Эндрю. Ради Господа Бога, пошлите за цирюльником! Ради всех святых, фельдшера сэру Тоби!

Оливия. Что такое?

Сэр Эндрю. Он проломил мне голову, да и Тоби не даром обошлось. Ради Господа Бога, помогите! Ничего не пожалею, чтоб только оказаться дома.

Оливия. Кто же это наделал, сэр Эндрю?

Сэр Эндрю. Придворный герцога, какой-то Цезарио. Мы думали, что: он трус, а он вышел воплощенный дьявол.

Герцог. Мой паж, Цезарио?

Сэр Эндрю. Окаянный! Вот он! Вы ни за что ни про что проломили мне голову; а что я наделал, тому научил меня сэр Тоби.

Виола

Что нужно вам? Я вас не трогал, сударь!

Вы сами шпагу первый обнажили,
А я вам ласковым ответил словом.

Сэр Эндрю. Если пробитая голова называется раной, так вы меня поранили. Да вы, кажется, и дыру в голове считаете ни во что?

Шут вводит пьяного сэра Тоби.

Вот и сэр Тоби прихрамывает; он вам еще кое-что порасскажет. Не хвати он лишнего, он бы заставил вас иначе поплясать.

Герцог. Ну, Тоби, что с вами?

Сэр Тоби. Один черт на дьяволе. Ранил – и баста! Болван, не видал ли ты болвана цирюльника?

Шут. Вот уже с час, как он пьян, и глаза его закатились в восемь часов утра.

Сэр Тоби. Вот скот и мерзавец. Я ненавижу этого пьяного скота.

Оливия. Уведите его. Кто это так их отделал?

Сэр Эндрю. Я помогу тебе, Тоби, пусть нам обоим вместе сделают перевязки.

Сэр Тоби. Ты хочешь помогать? Ах ты, осел, болван, дурак, ступа ты медная!

Оливия. Уложите его в постель да перевяжите рану.

Шут, Фабиан, сэр Эндрю и сэр Тоби уходят.

Входит Себастиан.

Себастиан

Мне очень жаль, что вашего родного,
Графиня, ранил я. Но будь он брат мой,
Я, ради безопасности моей,
Не мог с ним поступить иначе. Вижу
Из ваших глаз, что вы оскорблены.
Простите же, прекрасная графиня,
Хоть ради клятв, что мы друг другу дали.

Герцог

Одно лицо, одна одежда, голос
И, вместе с тем, их двое! Точно тень,
Которая и есть и нет.

Себастиан

Мой милый,
Мой дорогой Антонио, терзали
Меня часы с тех пор, как мы расстались!

Антонио

Ты ль это, друг?

Себастиан

Иль можешь сомневаться?

Антонио

Но как же ты надвое разделился?
Вы как две капли сходны меж собой,
И кто ж из вас Себастиан?

Оливия

Непостижимо!

Себастиан

Не я ли то? Я брата не имел
И нет во мне Божественной той силы,
Чтоб вездесущим быть. Моя ж сестра…
Ее валы морские поглотили.

(Виоле.)

О, ради Бога, не родные ль мы?
Откуда вы? Как звать вас, мне скажите?

Виола

Моя отчизна – остров Метелин,
Отец мой назывался Себастьяном,
И был когда-то у меня такой же
И брат Себастиан. В такой же точно

Одежде он пошел на дно морское,
И если духи могут на земле
Присваивать лицо и одеянье,
Так ты пришел нас страхом поразить.

Себастиан

Я точно дух, но только облеченный,
Как все, костьми и мясом естества.
Будь женщиной – и на твои ланиты
Я пролил бы слезу, сказав: «Виола,
Погибшая, будь вновь моей сестрой!»

Виола

У моего умершего отца
Над правой бровью был рубец глубокий.

Себастиан

И мой отец имел такой же знак.

Виола

Он умер в день рождения Виолы,
Когда ей минуло тринадцать лет.

Себастиан

О, этот час живет в моей душе!
Да, смертное свое он кончил дело,
Когда сестре тринадцать лет минуло.

Виола

Итак, одно мужское одеянье
Мешает нам быть счастливыми вновь?
Но ты меня не обнимай: сперва
Пусть время, обстоятельства и место
Докажут, что Виола пред тобой.
Я к капитану поведу тебя —
Он тут неподалеку; у него
Одежда женская сохранена,
И – им спасенная – я поступила
На службу благородного Орсино.
Все, что с тех пор со мной случилось здесь,
Относится к графине и к Орсино.

Себастиан

Так, стало быть, графиня, вы ошиблись?
Но вас не обманул природы голос
Супругой девушки вы захотели быть —
И, я клянусь, что вы не промахнулись,
Ваш муж невинен, как его сестра.

Герцог

Не изумляйтесь: кровь в нем благородна.
Когда все это правда, а не сон,
Так есть и моего частица счастья
В разбитом корабле.

(Виоле.)

Ты говорил
Не раз, а тысячу, что не полюбишь
Так страстно женщину ты, как меня?

Виола

И все слова мои да будут клятвы,
И их я твердо сохраню в душе,
Как свод небесный звезды сохраняет,
И солнце, и луну.

Герцог

Подай же руку;
Дай в женском платье на тебя взглянуть.

Виола

Оно сохранено у капитана,
Который высадил меня на берег.
По жалобе Мальволио он взят

Под стражу.

Оливия

Чтоб сей же час, прошу,
Ему была возвращена свобода!
Мальволио пускай придет сюда.
Теперь я только вспомнила: бедняга,
Как говорят, совсем сошел с ума.
Входят шут с письмом и Фабиан.
Но я сама была в таком расстройстве,
Что о его безумстве позабыла.
Что с ним, друзья? Скажите, что с ним сталось?

Шут. Да что, графиня, он борется с чертом, как только может человек в его обстоятельствах. Вот он написал вам письмо, которое я должен был отдать вам еще утром; но так как письма сумасшедших не Евангелие, то все равно, когда их ни отдашь.

Оливия. Открой же его и прочти.

Шут. Учитесь: дурак читает послание сумасшедшего! «Ей-богу, графиня…»

Оливия. С ума ты сошел?

Шут. Нет, графиня, я только передаю слова сумасшедшего. Если вам угодно, чтоб я читал с чувством, так вы не должны меня перебивать.

Оливия. Пожалуйста, читай с толком.

Шут. Я так и сделаю, мадонна. Но чтоб вычитать из него здравый смысл, так надо читать по-моему. Внимайте же, моя принцесса.

Оливия. Фабиан, прочти ты.

Фабиан *(читает)*. «Ей-богу, графиня, вы меня обидели – и мир об этом узнает. Хотя вы и заперли меня в темную яму и поручили смотреть за мною вашему пьяному дядюшке, но я так же в уме, как и вы. В руках моих ваше письмо, которое побудило меня вести себя таким образом, и я уверен, что могу им себя оправдать, а вас пристыдить. Думайте обо мне что угодно, на время я забываю должное почтение и говорю как обиженный. Почитаемый за сумасшедшего Мальволио».

Оливия. Это он писал?

Шут. Да, графиня.

Герцог. Это не похоже на сумасшествие.

Оливия

Верни ему свободу, Фабиан,
И приведи сюда к нам поскорее.
Когда угодно вам, мой государь,
Любить во мне сестру, а не супругу,
Позвольте предложить, чтоб день один
В моем дворце две свадьбы увенчал.

Герцог

Я принимаю ваше предложенье.

(Виоле.)

Твой государь дает тебе свободу.
За службу же тяжелую твою —
Тяжелую для робости жены,
Привыкшей к попечениям нежнейшим, —
Прими мою ты руку и отныне
Будь господина госпожою.

Оливия

Ты мне сестра!

Фабиан возвращается с Мальволио.

Герцог

Так это сумасшедший?

Оливия

Да, государь. Мальвольо, что с тобой?

Мальволио

Графиня, вы… обидели меня,
Обидели жестоко.

Оливия

Я? Нисколько!

Мальволио

Графиня, да. Прочтите эти строки:
Вы не откажетесь от ваших слов.
Пишите иначе, если возможно,
Перемените слог и форму букв;
Скажите, что печать и эти мысли
Не вам принадлежат. Их отрицать
Не в состоянье вы! Итак, признайтесь,
Зачем так ясно высказали вы
Свою любовь и приказали мне
Являться к вам с улыбкой неизменной,
С подвязками, завязанными накрест,
Обутым в желтые чулки? Зачем
Вы приказали обращаться гордо
С прислугой, с сэром Тоби? И когда
Я все с покорной выполнял надеждой,
Зачем велели вы меня схватить,
Замкнули в тьму, прислали мне попа
И сделали шутом и дураком
Глупейшим, над которым все смеялись?
Скажите мне, зачем?

Оливия

Ах, мой любезный!
Ведь это не моя рука, хоть точно
С моею очень сходна. Без сомненья,
Письмо написано Марией. И теперь
Припоминаю я: она сказала
Мне первая, что ты сошел с ума;
Потом явился ты с своей улыбкой,
В чулках, расхваленных в твоем письме.
Но успокойся же: с тобой сыграли
Презлую шутку, и когда откроем
Зачинщиков, в своем же деле
Ты будешь и судьею, и истцом.

Фабиан

Графиня, час столь светлый и благой,
Блестящий радостью, пусть не мрачат
Ни жалоба, ни будущая ссора
С таким желаньем сознаюсь я смело,
Что выдумали это я и Тоби
Против Мальволио, чтоб проучить
Его за грубость обращенья. Он
Нам надоел. Письмо написано Марией
По настоянью сэра Тоби: он
Посватался к ней за то в награду.
Но в шутке злой веселости так много,
Что, право, смех ей более к лицу,
Чем мщение; к тому ж и оскорблений
Зачтется поровну для каждой стороны.

Оливия. Бедняжка, как одурачили тебя!

Шут. Да, «одни родятся великими, другие приобретают величие, а иным его бросают». Играл и я роль в этой комедии, милостивые государи, роль некого отца Спиридона. Да, впрочем, все равно. «Ей-богу, дурак, я не сумасшедший»! Да помните ли вы еще? «Я удивляюсь, ваше сиятельство, как вы можете находить удовольствие в шутках такого бездарного мерзавца: если вы не смеетесь, так у него рот зашит». Так-то колесо времени приносит свое возмездие.

Мальволио. Я отомщу всей вашей шайке! *(Уходит.)*

Оливия. Ах, как над ним жестоко насмеялись!

Герцог

Догнать его, уговорить на мир,
Он должен рассказать о капитане.
Когда узнаем все, для нас наступит
Златое время сочетанья душ
На брачном торжестве. А между тем
Я остаюсь у вас в гостях, сестрица.
Цезарио, пойдем! Ты будешь им,
Пока ты муж: перемени костюм —
И будь любви моей царица!

Все уходят.

Шут *(оставшись один, поет)*

Как я еще мальчишкой был,
Ай люли! да! тра-ла-ла-ла!
Глупец глупцом все был да был,
А я все пел: ай тра-ла-ла!
Потом, когда я взрослым стал,
Ай люли! да! тра-ла-ла-ла!
От вора дверь я запирал,
А сам все пел: ай тра-ла-ла!
Когда же я, увы, женился,
Ай люли! да! тра-ла-ла-ла!
Я с праздностью моей простился,
Но все же пел: ай тра-ла-ла!
И помню, раз, когда напился
Ай люли! да! тра-ла-ла-ла!
И в грязной яме очутился,
Не унывая пел: тра-ла!
Давно уж создан глупый свет.
Ай люли! да! тра-ла-ла-ла!
И я бы мог еще пропеть,
Да нет, уж спать пора.

Уходит.

Шекспир Уильям. Гамлет

Действующие лица

Клавдий, датский король.

Гамлет, сын покойного и племянник настоящего короля.

Полоний, обер-камергер.

Гораций, друг Гамлета.

Лаэрт, сын Полония.

Вольтиманд, Корнелий, Розенкранц, Гильденштерн, Озрик – придворные.

Придворный.

Священник.

Марцелло, Бернардо – офицеры.

Франциско, солдат.

Рейнальдо, слуга Полония.

Полковник.

Посол.

Тень отца Гамлета.

Фортинбрас, принц норвежский.

Гертруда, королева датская и мать Гамлета.

Офелия, дочь Полония.

Придворные, офицеры, солдаты, актеры, могильщики, матросы, вестники, слуги и другие.

Действие происходит в Эльсиноре.

Акт I

Сцена I

Эльсинор. Терраса перед замком.
Франциско на часах. Входит Бернардо.

Бернардо

Кто здесь?

Франциско

Сам отвечай мне – кто идет?

Бернардо

Да здравствует король!

Франциско

Бернардо?

Бернардо

Он.

Франциско

Вы вовремя приходите на смену.

Бернардо

Уж за полночь, иди домой, Франциско.

Франциско

Благодарю за смену. Холод резкий —
И мне неловко что-то на душе.

Бернардо

Что, все спокойно было?

Франциско

Как в гробу.

Бернардо

Прощай же, доброй ночи. Если встретишь
Товарищей, Горацьо и Марцелло,
Так попроси их поспешить.

Входят Горацио и Марцелло.

Франциско

Да вот,
Мне кажется, они. Стой! Кто идет?

Горацио

Друзья отечества.

Марцелло

Вассалы короля.

Франциско

Прощайте, доброй ночи!

Марцелло

А, прощай,
Мой бравый друг! А кто тебя сменил?

Франциско

Бернардо. Доброй ночи!

Уходит.

Марцелло

Эй! Бернардо!

Бернардо

Горацио с тобой?

Горацио *(подавая руку)*

Отчасти.

Бернардо

Здравствуй,
Горацио! Здорово, друг Марцелло!

Горацио

Ну что, являлось нынче привиденье?

Бернардо

Я не видел.

Марцелло

Горацьо говорит,
Что это все игра воображенья,
И призраку, который мы два раза
Видали сами, веры не дает;
Я и просил его прийти сюда,
Чтоб ночь без сна провесть на нашей страже
И, если дух появится опять,
Чтоб убедиться, что не обманули
Глаза нас всех, и с ним заговорить.

Горацио

Вздор, не придет он.

Бернардо

Да, а между тем
Садись. Позволь атаковать еще раз
Твой слух, так недоступный для рассказа
О том, что нам две эти ночи сряду
Являлось на часах.

Горацио

Пожалуй, сядем.
Бернардо, повтори нам твой рассказ.

Бернардо

Прошедшей ночью, в дивный час, когда
Вон та звезда, от полюса на запад,
В пути своем часть неба озаряла,
Где и теперь горит, – я и Марцелло,
Мы видели, едва пробило час…

Марцелло

Постой! Смотри: опять она идет!

Входит Тень.

Бернардо

Взгляни: точь-в-точь покойный наш король.

Марцелло

Горацьо, ты учен: поговори с ним.

Бернардо

Что – не похож ли он на короля?
Взгляни, Горацио.

Горацио

Да, совершенно.
Я трепещу от страха, изумленья.

Бернардо

Он хочет, чтобы с ним заговорили.

Марцелло

Горацио, спроси – заговори с ним.

Горацио

Кто ты, полночным завладевший часом
И образом воинственно-прекрасным,
В котором здесь бродило на земле
Величество умершего Гамлета?
Я заклинаю небом – говори!

Марцелло

Он оскорбился.

Бернардо

Он уходит.

Горацио

Стой.

И говори – тебя я заклинаю!

Тень уходит.

Марцелло

Он удалился: отвечать не хочет.

Бернардо *(к Горацио)*

Ну что, мой друг? Ты бледен! Ты дрожишь!
Что ж, эта тень не больше ль, чем мечта?
Как думаешь?

Горацио

Клянусь моим творцом,
Когда б глаза мне не были порукой,
Я не поверил бы чужим словам.

Марцелло

Не правда ли, похож на короля?

Горацио

Как ты похож на самого себя.
Точь-в-точь такой на нем надет был панцирь,
Когда с норвежцем гордым он сразился,

И так же грозно хмурил он чело,
Когда на лед, в упорном поединке,
Низвергнул поляка. Непостижимо!

Марцелло

Так дважды он, в глухой час полуночи,
Шагами Марса мимо нас прошел.

Горацио

Что предвещает нам его явленье —
Я не могу сказать; но по всему
Мне кажется, что Дании грозит
Переворот ужасный.

Марцелло

Сядьте здесь —
И тот, кто знает, пусть нам объяснит,
Зачем так строго бдительная стража
Вассалов Дании лишает сна?
Зачем что день, то выливают пушки,
Снаряды свозят из чужих земель,
Берут людей для корабельных верфей,
Где нет им праздника, а только будни?
Зачем народ, трудясь и день и ночь
В поту лица, не смеет отдохнуть?
Кто объяснит мне?

Горацио

Я. По крайней мере
Так говорят: последний наш король —
Его видение нас нынче посетило —
Из зависти был вызван Фортинбрасом,
Норвежским королем, на бой. Наш храбрый,
Наш смелый Гамлет – он таким здесь признан,
На этой бренной половине мира —
Убил врага – и Фортинбрас утратил
С своею жизнью все свои владенья.
Таков был обоюдный договор,
Гербом и подписью бойцов скрепленный.
И наш король давал в залог победы
Свои владения: когда б он пал,
Они бы все достались Фортинбрасу,
Как Гамлету досталась вся страна,
Согласно заключенному условью.
И вот недавно юный Фортинбрас,
С огнем в груди неукротимо-диким,
Набрал по всем Норвегии углам
Толпу бродяг, готовых из-за хлеба
Поддерживать любое предприятье;
А предприятье это, как известно,
Есть возвращенье злой рукой войны
Потерянных отцом его владений.
Вот почему готовится война,
И пушки льют, и держат караул,

И в целой Дании движенье и работа.

Бернардо

Я то же думаю: оно согласно
С видением, в доспехах боевых
На стражу к нам пришедшим из могилы.
Причиною войны усопший Гамлет,
А призрак так с ним схож!

Горацио

Да, это атом,
Исторгший силу из очей души.
Когда, как пальма, цвел великий Рим,
Незадолго до Цезаря кончины,
Покинув гроб, со стонами и воплем
Блуждали мертвецы – и белый саван
Носился вдоль по улицам столицы.
На небесах явились в солнце пятна,
Кометы с огненным хвостом, и падал
Кровавый дождь. Владычица морей,
Звезда Нептунова, померкла в вышине,
Как будто бы пришла кончина мира.
И нам земля и небо ниспослали
Такой же знак переворотов страшных,
Предвестника грозящей нам судьбы.

Тень является опять.

Постой! Смотри: опять явился он!
Пускай меня виденье уничтожит,
Но я, клянусь, его остановлю.
Виденье, стой! Когда людскою речью
Владеешь ты – заговори со мною.
Скажи: иль подвигом благим могу я
Тебе покой твой возвратить,
Или судьба грозит твоей отчизне
И я могу ее предотвратить?
О, говори! В твоей минувшей жизни
Ты золото не предал ли земле,
За что, как говорят, вы, привиденья,
Осуждены скитаться по ночам?
О, дай ответ! Постой и говори!

Петух поет.

Останови его, Марцелло!

Марцелло

Не нанести ль удар ему?

Горацио

Ударь,
Когда остановиться он не хочет.

Бернардо

Он здесь.

Горацио

Он здесь.

Тень исчезает.

Марцелло

Исчез. Мы оскорбили
Величественный, королевский призрак;
Мы удержать его хотели силой,
А он мечу, как воздух, недоступен,
И наш удар – лишь злое оскорбленье.

Бернардо

Ему петух ответить помешал.

Горацио

И вздрогнул он, как грешное творенье
При вопле ужаса. Я слышал, что петух,
Трубач зари, своею звонкой песнью
Сгоняет сон с очей дневного бога,
И по его пронзительному крику

Из вод, огня, эфира и земли
Стекаются блуждающие духи
В свою страну – и истину поверья
Нам доказал мертвец, нас посетивший.

Марцелло

Он вдруг исчез при крике петуха.
Вот говорят, что в ночь на Рождество,
Когда мы ждем Спасителя явленье,
Вплоть до зари поет предвестник утра.
Тогда блуждать не смеют привиденья:
Та ночь чиста, созвездия безвредны;
И леший спит, и ведьмы не колдуют:
Так эта ночь свята и благодатна.

Горацио

Да, слышал я, и верится отчасти.
Но вот и Феб в пурпуровой одежде
Идет на холм по жемчугу росы.
Пора. Оставим пост, идем, идем!
И мой совет – виденье этой ночи
Гамлету рассказать. Клянусь вам жизнью,
Дух нем для нас, но с ним заговорит!
Согласны ль вы сказать об этом принцу,
Как нам велят и долг наш, и любовь?

Марцелло

Конечно – да; я вас прошу об этом.
Я знаю, где его найти.

Уходит.

Сцена II

Торжественный зал в замке.

Входят король, королева, Гамлет, Полоний, Лаэрт, Вольтиманд, Корнелий, придворные и свита.

Король

Хотя свежа еще в нас память смерти
Гамлета-короля, нам дорогого брата;
Хотя в душе должны бы мы скорбеть
И Дания являла бы один
Скорбящий лик, – но наш рассудок светлый
Природу победил, и, вспоминая
Кончину брата с мудрою тоской,
Мы вместе с тем себя не забываем.
Итак – сестру, теперь же королеву,
Наследницу воинственной страны,
Мы нарекли возлюбленной супругой
С восторгом, так сказать, лишенным силы,
С слезой в очах и с ясною улыбкой,
Веселый гимн запев при гробе брата,

За упокой при брачном алтаре,
И на весах души развесив ровно
Веселье и печаль. Мы поступили
Согласно вашей воле, одобрившей
Наш брак, – и мы за все благодарим!
Теперь же мы к другому перейдем.
Вы знаете, что юный Фортинбрас,
Предположив, что я лишен почтенья
Иль что со смертью дорогого нам
От дел земных почившего Гамлета
Распались связь и сила королевства,
В пустых мечтах каких-то мнимых выгод
Не устает послами нас терзать
И требует отдачи всех владений,
Утраченных отцом его в бою
С покойным королем и братом нашим.
Теперь о нас и нынешнем собранье —
И дело вот в чем: к дяде Фортинбраса,
Который слаб, не покидает ложа
И замыслов племянника не знает,
Я написал, чтоб ход такого дела
Он прекратил, тем более что деньги,
Набор солдат и содержанье войску
Берут с его вассалов и земель.
Вас, добрый Вольтиманд, и вас, Корнелий,
Избрал я передать мое посланье
И мой поклон монарху-старику.
В сношеньях с ним мы не даем вам власти
Переступить за точный смысл письма.

Прощайте же! Пусть ваша быстрота
Покажет нам, как вы служить готовы.

Корнелий и Вольтиманд

Теперь, как и всегда, мы наше рвенье
Готовы доказать.

Король

Не сомневаюсь.
Счастливый путь!

Корнелий и Вольтиманд уходят.

Что скажешь ты, Лаэрт?
Ты говорил нам о какой-то просьбе —
В чем состоит она, Лаэрт? Со мною,
Монархом Дании, разумно говоря,
Слов потерять никто не может даром.
О чем просить ты можешь, чтобы Клавдий
Не даровал, еще не слышав просьбы?
Не столько голова родная сердцу,
Не так рука устам служить готова,
Как датский трон Лаэртову отцу.
Чего желаешь ты, скажи?

Лаэрт

Опять
Увидеть Францию, мой государь.
Ее покинул я, в мою отчизну
Без ропота спешил, чтобы исполнить
Свой долг при торжестве коронованья.
Теперь, когда исполнен он, опять
Во Францию летят мои желанья.

Король

Но твой отец? Позволил он тебе?
Что говорит Полоний?

Полоний

Государь,
Он покорил мольбою неотступной
Моей души тяжелое согласье,
И, наконец, к его усильной просьбе
Я приложил печать соизволенья.
Позвольте, государь, ему уехать.

Король

Так пользуйся, Лаэрт, счастливым часом:
Располагай и наслаждайся им.
А ты, наш друг и сын, любезный Гамлет?

Гамлет *(тихо)*

Поближе сына, но подальше друга.

Король

Как, над тобой еще летают тучи?

Гамлет

О нет: мне солнце слишком ярко светит.

Королева

Отбрось ночную тень, мой добрый Гамлет:
Взгляни как друг на Дании монарха.
Зачем искать с опущенной ресницей
Во прахе благородного отца?
Ты знаешь: все живое умирает
И переходит в вечность от земли.

Гамлет

Да, все умрет.

Королева

А если так, мой сын,
То что ж тебе тут кажется так странно?

Гамлет

Нет, мне не кажется, а точно есть,
И для меня что кажется – ничтожно.
Нет, матушка, ни траурный мой плащ,
Ни черный цвет печального наряда,
Ни грустный вид унылого лица,
Ни бурный вздох стесненного дыханья,
Ни слез текущий из очей поток —
Ничто, ничто из этих знаков скорби
Не скажет истины; их можно и сыграть,
И это все казаться точно может.
В моей душе ношу я то, что есть,
Что выше всех печали украшений.

Король

Оно прекрасно и похвально, Гамлет,
Отдать отцу прискорбный долг печали;
Но вспомни же: отец и дед, и прадед
Лишались все своих отцов. Потомки
Должны надеть, из детского почтенья,
На время, в память их печальный траур,
Но сохранять печаль с таким упорством
Есть недостойная мужчины скорбь,
Знак воли, непокорной провиденью,
Души бессильной, слабого ума.
Когда нас опыт научил, что смертью

Мы все должны окончить нашу жизнь,
И если смерть для нас обыкновенна,
Как самая простая из вещей,
Зачем ее без должного смиренья
Так к сердцу принимать? О, это грех
Перед творцом, усопшему обида,
Проступок пред умом, который вечно
Нам говорил о смерти наших предков
И повторял над трупами людей
От прадедов до нас: «Так быть должно!»
Прошу, покинь бесплодную тоску
И верь, что в нас ты вновь отца находишь.
Пусть знает мир, что ты ближайший к трону
И мной любим любовью благородной,
Любовию нежнейшего отца.
Что до твоей поездки в Виттенберг,
Она с моим желаньем не согласна,
И я прошу тебя – останься здесь,
В лучах моих тебя любящих взоров,
Как первый царедворец, друг и сын.

Королева

Не заставляй и мать просить напрасно:
Останься здесь, не езди в Виттенберг.

Гамлет

Я повинуюсь вам во всем.

Король

Прекрасно.
Вот добрый и приветливый ответ!
Будь в нашей Дании нам равным, Гамлет.
Идем! Согласье дружеское принца
Смеется радостью в моей душе.
Пусть в честь ему раздастся гром орудий;
Он к облакам взнесет заздравный кубок,
И гром небес на гром земли ответит,
Когда король наполнит свой бокал.
Все, кроме Гамлета, уходят.

Гамлет

О если б вы, души моей оковы,
Ты, крепко сплоченный состав костей,
Ниспал росой, туманом испарился;
Иль если б ты, судья земли и неба,
Не запретил греха самоубийства!
О боже мой! О боже милосердный,
Как пошло, пусто, плоско и ничтожно
В глазах моих житье на этом свете!
Презренный мир, ты – опустелый сад,
Негодных трав пустое достоянье.
И до того должно было дойти!
Два месяца: нет, даже и не два,
Как умер он – такой монарх великий,

Гиперион в сравненье с тем Сатиром.
Так пламенно мою любивший мать,
Что и небес неукротимым ветрам
Не дозволял лица ее касаться!
Земля и небо, должен ли я вспомнить,
Она ему была так предана;
Ее любовь, казалось нам, росла
Со счастием любви – и через месяц…
Покинь меня, воспоминанья сила!
Ничтожность, женщина, твое названье!
Один короткий, быстротечный месяц —
И башмаков еще не износила,
В которых шла, в слезах, как Ниобея,
За бедным прахом моего отца…
О небо! Зверь, без разума, без слова,
Грустил бы долее. Супруга дяди,
Супруга брата моего отца!
Но он похож на Гамлета-монарха,
Как я на Геркулеса. Через месяц!
Еще следы ее притворных слез
В очах заплаканных так ясно видны —
Она жена… О гнусная поспешность!
Так быстро пасть в кровосмешенья ложе!
Тут нет добра и быть его не может.
Скорби, душа: уста должны молчать!
Входят Горацио, Бернардо и Марцелло

Горацио

Мое почтенье, благородный принц.

Гамлет

А, очень рад, что вижу вас здоровым,
Горацио! Иль ошибаюсь я?

Горацио

Он самый, принц; всегда слуга ваш бедный.

Гамлет

Мой добрый друг, перемени названье.
Зачем из Виттенберга ты приехал,
Горацио? Марцелло – ты ли?

Марцелло

Принц!
Я очень рад вас видеть. Добрый день!

(К Горацио.)

Нет, не шутя, зачем же ты оставил
Свой Виттенберг?

Горацио

Из лени, добрый принц.

Гамлет

И от врагов твоих я не желал бы
Услышать это, а тем больше ты
Мой слух не должен оскорблять словами
И клеветой на самого себя.
Ты не ленив – я это очень знаю.
Что ж привело тебя к нам в Эльсинор?
Пока ты здесь, тебя еще научат
Стаканы осушать.

Горацио

Я прибыл, принц,
На погребенье вашего отца.

Гамлет

Не смейся надо мной, товарищ детства:
На свадьбу матери ты поспешил.

Горацио

Да, правда, принц! Ее не долго ждали.

Гамлет

Хозяйство, друг Горацио, хозяйство:
От похоронных пирогов осталось
Холодное на свадебный обед.
Врага бы злого легче было встретить
Мне в небесах, чем этот день увидеть!
Отец мой… кажется, его я вижу.

Горацио

Где, принц?

Гамлет

В очах души моей, Горацио.

Горацио

И я покойного когда-то видел:
Он благородный был монарх.

Гамлет

Да, он
Был человек, во всем значенье слова.
Мне не найти подобного ему.

Горацио

Мне кажется, мой принц, прошедшей ночью
Его я видел.

Гамлет

Видел ты! Кого?

Горацио

Принц, вашего отца и короля.

Гамлет

Как? Моего отца и короля?

Горацио

Умерьте на минуту изумленье
И слушайте: я расскажу вам чудо —
И вот они вам подтвердят рассказ.

Гамлет

О, говори, я заклинаю небом!

Горацио

Две ночи сряду, в час их караула,
Средь мертвой тишины глухой полночи,
С Марцелло и Бернардо было вот что:
Видение, как ваш отец покойный,
В доспехах бранных с ног до головы,
Подходит к ним величественным шагом;
Торжественно проходит три раза
Пред их окаменелыми глазами,
Жезлом своим едва их не касаясь.
Они, от ужаса лишившись слова,
Стоят и речи не заводят с ним.
И это все с таинственностью робкой
Они открыли мне. На третью ночь
Я с ними был. Все оказалось правдой:
В тот самый час и в том же самом виде,
Как рассказали мне, приходит тень.
Я помню вашего отца. Взгляните —
Вот две руки: они не больше схожи
Одна с другой.

Гамлет

Но где же это было?

Марцелло

Где караул наш: на террасе замка.

Гамлет

Ты с ним не говорил?

Горацио

Да, говорил.
Но он не отвечал; однажды только
Он голову, казалось нам, возвысил,
Готовый говорить; но в то ж мгновенье
Запел петух, и вместе с звонким криком
Тень ускользнула и исчезла.

Гамлет

Странно!

Горацио

Клянусь вам жизнью, это правда, принц,
И мы сочли за долг сказать об этом.

Гамлет

Да, господа, оно меня тревожит.
На эту ночь вы в карауле?

Все

Да.

Гамлет

Он был вооружен?

Все

Вооружен.

Гамлет

От головы до ног?

Все

От темени до пят.

Гамлет

Так вы лица не видели его?

Горацио

О нет, мой принц! Наличник поднят был.

Гамлет

Что ж, грозно он смотрел?

Горацио

В его лице
Скорее скорбь, чем гнев изображался.

Гамлет

Он был багров иль бледен?

Горацио

Страшно бледен.

Гамлет

И очи устремлял на вас?

Горацио

Не отводя.

Гамлет

Жаль, очень жаль, что я не с вами был.

Горацио

Вы ужаснулись бы.

Гамлет

Весьма, весьма возможно.
И долго пробыл он?

Горацио

Покамест сотню
Успеешь насчитать, считая тихо.

Марцелло и Бернардо

О, дольше, дольше!

Горацио

Нет, при мне не дольше.

Гамлет

И цвет волос на бороде седой?

Горацио

Да, черный с проседью, как был при жизни.

Гамлет

Я эту ночь не сплю: случиться может,
Что он опять придет.

Горацио

Наверно, принц.

Гамлет

И если вновь он примет вид отца,
Я с ним заговорю, хоть самый ад,
Открывши зев, приказывай умолкнуть!
А вас прошу: когда виденья тайну
Вы от других скрывали до сих пор,
Так сохраните же ее и дольше.
Всему, что встретится нам в эту ночь,
Всему давайте смысл, но только молча.
Я вам за дружбу отплачу. Прощайте.
В двенадцатом часу я на террасе
Увижу вас.

Все

К услугам вашим, принц.

Гамлет

Я не услуг прошу у вас, а дружбы,
Какую сам питаю к вам. Прощайте.
Горацио, Марцелло и Бернардо уходят
Родителя вооруженный дух!
Неловко что-то здесь; я злые козни
Подозреваю. О, скорей бы ночь!
До тех же пор, душа моя, спокойся!
Злодейство выступит на свет дневной,
Хоть целой будь засыпано землей.

Уходит.

Сцена III

Комната в доме Полония.
Выходят Лаэрт и Офелия.

Лаэрт

Мои пожитки в корабле. Прощай.
Да не забудь, сестра, когда случится
Попутный ветр с идущим кораблем,
Не спи и дай мне о себе известье.

Офелия

Ты сомневаешься?

Лаэрт

Что до Гамлета
И до его любовных пустяков,
Смотри на них как просто на учтивость,
Как на игру в его крови, фиалку,
Расцветшую в поре весенних лет,
Но ненадолго: сладкую на миг,
Красу и запах одного мгновенья —
Не больше.

Офелия

Только? И не больше?

Лаэрт

Нет.
Природа в нас растет не только телом:
Чем выше храм, тем выше возникает
Души и разума святая служба.
Он, может быть, теперь тебя и любит:
Обман и зло еще не запятнали
В нем добродетели души; но бойся:
Как первый принц, он не имеет воли,
Он раб происхожденья своего;
Не может он, как мы, простые люди,

Избрать подругу по сердцу себе:
С избранием ее сопряжены
Упадок сил иль счастье государства —
И потому души его желанья
Ограждены согласием людей,
Которым он глава. И если снова
Он о любви с тобой заговорит,
Умно ты сделаешь, когда не больше
Поверишь страстному его признанью,
Как сколько может он осуществить
Свои слова: не больше, чем позволит
Всеобщий голос датского народа.
Обдумай, сколько пострадает честь,
Когда твой слух к его любовной песне
Доверчиво прильнет, когда ты сердце
Ему отдашь – и бурное стремленье
Похитит скромности твоей алмаз.
Страшись, Офелия! Страшись, сестра!
Подальше от опасного желанья,
От вспышки склонности твоей.
Из дев чистейшая уж не скромна,
Когда луне ее открыта прелесть.
От клеветы и святость не уйдет.
Детей весны нередко истребляет
Червяк, когда еще закрыта почка;
И в молодости утра на росу
Опасно веет ядовитый ветер.
Смотри ж, сестра, остерегайся! Страх —
Ограда от беды; а наша юность

И без врагов в борьбе сама с собой.

Офелия

Я сохраню прекрасный смысл урока:
Он будет сторожем моей груди.
Но, милый брат, не поступай со мною,
Как лицемер в священнической рясе;
Не говори: вот путь тернистый к небу,
Когда ты сам, как дерзкий сластолюбец,
Пойдешь цветистою тропой греха
И свой урок с усмешкой позабудешь.

Лаэрт

О нет! Но я промедлил слишком долго.
Да вот и батюшка.

Входит Полоний.

Благословите дважды —
И благость дважды на меня сойдет.
Судьба опять свела нас на прощанье.

Полоний

Ты здесь еще, Лаэрт? На борт, на борт!
Попутный ветр наполнил паруса;
Тебя там ждут.

(Кладет ему на голову руки.)

Мое благословенье
Да будет над тобою навсегда!
И эти правила запечатлей
В твоей душе: не говори, что мыслишь,
И мысль незрелую не исполняй;
Будь ласков, но не будь приятель общий;
Друзей, которых испытал, железом
Прикуй к душе, но не марай руки,
Со всяким встречным заключая братство;
Остерегись, чтоб не попасться в ссору:
Попал – так чтобы враг остерегался;
Всех слушай, но не всем давай свой голос;
Советы принимай от всех дающих,
Но собственное мненье береги,
Смотря по средствам, одевайся пышно,
Но не смешно, богато – не пестро.
Одежда говорит о человеке,
А высший круг одет в Париже с тонким,
С разборчивым и благородным вкусом.
Не занимай и не давай взаймы:
Заем нередко исчезает с дружбой,
А долг есть яд в хозяйственном расчете.
Но главное: будь верен самому себе,
И, следственно, как дважды два – четыре,
Ни перед кем не будешь ты фальшив.
Прощай, Лаэрт. Небес благословенье

Да подкрепит в тебе мои советы.

Лаэрт

Прощайте, батюшка.

Полоний

Пора, пора!
Ступай, тебя твоя прислуга ждет.

Лаэрт

Прощай, Офелия, и не забудь
Мои слова.

Офелия

Я крепко их замкнула
В моей груди, а ключ возьми с собой.

Лаэрт

Прощай.

Уходит.

Полоний

О чем, Офелия, он говорил?

Офелия

О принце Гамлете.

Полоний

Ах, кстати, да!
Мне говорят, что с некоторых пор
С тобою делит он уединенье;
Что Гамлету всегда сама ты рада.
А если это так – по крайней мере
Так говорили мне, остерегая, —
Я принужден, Офелия, заметить,
Что дочери моей бы не мешало
Смотреть ясней, для собственной же чести,
На эту связь. Скажи-ка мне всю правду:
Что за союз у вас?

Офелия

Он признавался
Мне в склонности своей.

Полоний

Да, склонность!
Ты говоришь, как малое дитя,

Опасности такой не постигая.
Что ж, ты поверила его признанью?

Офелия

Не знаю, право, что и думать мне.

Полоний

Так я скажу тебе, что надо думать:
Ты, дурочка, за чистую монету
Сочла его пустые восклицанья.

Офелия

Отец, он мне в любви своей открылся
Почтительно и скромно.

Полоний

Да! Пожалуй,
Все можно скромностью назвать – поди!

Офелия

Он клятвой подкрепил свои слова.

Полоний

Свистки для перепелок. Знаю, знаю,
Когда кипит в нас кровь, куда как щедро
Душа ссужает клятвами язык.
Но это блеск, светящий без тепла;
Не почитай его огнем: он гаснет
Со звуком слов. Скупись вперед побольше
Своим сообществом; не будь всегда
Готовою к беседе по приказу.
А Гамлету ты можешь верить вот как:
Он молод, он в своих поступках волен,
Как ты не можешь быть вольна… и, словом,
Не верь его словам: они обманут;
Они не то, чем кажутся снаружи,
Ходатаи преступных наслаждений.
Они звучат, как набожных обеты,
Чтоб легче обольстить. И коротко и ясно,
Однажды навсегда: ты не должна
Часы свободы убивать на то,
Чтоб с Гамлетом вести переговоры.
Смотри же, помни, дочь! Ступай.

Офелия

Я повинуюся.

Уходят.

Сцена IV

Терраса.
Входят Гамлет, Горацио и Марцелло.

Гамлет

Мороз ужасный – ветер так и режет.

Горацио

Да, холод проникает до костей.
Который час?

Гамлет

Горацио
Двенадцатый в исходе.

Марцелло

Нет, полночь уж пробило.

Горацио

В самом деле?
Я не слыхал. Так, значит, ближе время,

Когда блуждает дух обыкновенно.
Звук трубы и пушечные выстрелы за сценой.
Что это значит, принц?

Гамлет

Король всю ночь гуляет напролет,
Шумит, и пьет, и мчится в быстром вальсе.
Едва осушит он стакан рейнвейна,
Как слышен гром и пушек, и литавр,
Гремящих в честь победы над вином.

Горацио

Обычай это?

Гамлет

Да, конечно, так —
И я к нему, как здешний уроженец,
Хоть и привык, однако же по мне
Забыть его гораздо благородней,
Чем сохранять. Похмелье и пирушки
Марают нас в понятии народа:
За них зовут нас Бахуса жрецами —
И с нашим именем соединяют
Прозванье черное. Сказать по правде,
Всю славу дел великих и прекрасных
Смывает с нас вино. Такую участь

Несет и честный человек: его,
Когда он заклеймен пятном природы,
Как, например, не в меру пылкой кровью,
Берущей верх над силою ума, —
В чем и невинен он: его рожденье
Есть случай без разумной воли —
Или привычкою, которая, как ржа,
Съедает блеск поступков благородных,
Его, я говорю, людское мненье
Лишит достоинства; его осудят
За то, что в нем одно пятно порока,
Хоть будь оно клеймо слепой природы
И сам он будь так чист, как добродетель,
С безмерно благородною душой.
Пылинка зла уничтожает благо.

Входит Тень.

Горацио

Смотрите, принц: он снова к нам идет!

Гамлет

Спасите нас, о неба серафимы!
Блаженный дух иль демон проклятой,
Облекся ль ты в благоуханье неба
Иль в ада дым, со злом или с любовью
Приходишь ты? Твой образ так заманчив!
Я говорю с тобой: тебя зову я

Гамлетом, королем, отцом, монархом!
Не дай в незнании погибнуть мне!
Скажи, зачем твои святые кости
Расторгли саван твой? Зачем гробница,
Куда тебя мы с миром опустили,
Разверзла мраморный, тяжелый зев
И вновь извергнула тебя? Зачем
Ты, мертвый труп, в воинственных доспехах
Опять идешь в сиянии луны,
Во тьму ночей вселяя грозный ужас,
И нас, слепцов среди природы, мучишь
Для наших душ непостижимой мыслью
Скажи, зачем? Зачем? Что делать нам?

Тень манит Гамлета.

Горацио

Он манит вас, чтоб вы пошли за ним,
Как будто хочет сообщить вам что-то
Наедине.

Марцелло

Вот посмотрите, принц,
С какою ласковой улыбкой он
Зовет вас за собой в другое место.
Но не ходите с ним.

Горацио

Нет, ни за что!

Гамлет

Но он молчит: так я за ним иду.

Горацио

Нет, не ходите, принц!

Гамлет

Чего бояться?
Мне жизнь моя ничтожнее булавки!
Моей душе что может сделать он,
Моей душе, бессмертной, как он сам?
Он манит вновь – я следую за ним!

Горацио

Что, если вас он к морю заманит
Иль на скалы бесплодную вершину,
Что там, склонясь, глядится в океан?
Что, если там, приняв ужасный образ,
Он вас лишит владычества рассудка?
Подумайте! Одна пустынность места,
Сама собой, готова привести
К отчаянью, когда посмотришь в бездну

И слышишь в ней далекий плеск волны.

Гамлет

Он все манит. Иди – я за тобою!

Марцелло

Вы не должны идти, мой принц!

Гамлет

Прочь руки!

Горацио

Послушайтесь и не ходите, принц.

Гамлет

Нет, я иду: судьба меня зовет!
В малейший нерв она вдохнула крепость
Льва африканского. Он все манит —
Пустите, или – я клянусь вам небом —
Тот будет сам виденьем, кто посмеет
Держать меня! Вперед! Я за тобою!

Тень и Гамлет уходят.

Горацио

Он вне себя – увы, он помешался!

Марцелло

За ним: мы не должны повиноваться.

Горацио

Пойдем, пойдем! Чем кончится все это?

Марцелло

Нечисто что-то в Датском королевстве.

Горацио

Друзья, господь устроит все.

Марцелло

Идем.

Уходят.

Сцена V

Другая часть террасы.
Входят тень и Гамлет.

Гамлет

Куда ведешь? Я далее нейду.

Тень

Внимай!

Гамлет

Я слушаю.

Тень

Уж близок час,
Когда я должен возвратиться в недра
Мучительного серного огня.

Гамлет

О, бедный дух!

Тень

Не сожалей, но слушай
Внимательно, что я тебе скажу.

Гамлет

О, говори! Мой долг тебе внимать.

Тень

И отомстить, когда услышишь.

Гамлет

Что?

Тень

Я твоего отца бессмертный дух,
Во тьме ночей скитаться осужденный,
А днем в огне обязанный страдать,
Пока мои земные прегрешенья
Не выгорят среди моих страданий.
Когда б мне не было запрещено
Открыть тебе моей темницы тайну,
Я начал бы рассказ, который душу
Твою легчайшим раздавил бы словом,

Охолодил бы молодую кровь,
Глаза из сфер их вырвал бы, как звезды,
И каждый волос вьющихся кудрей
Поставил бы на голове отдельно,
Как иглы на сердитом дикобразе.
Но слух из крови и костей не может
Постигнуть откровенья вечных тайн.
Внимай, внимай, внимай, когда любил
Ты своего отца, мой сын!

Гамлет

О небо!

Тень

Отмсти, отмсти за гнусное убийство!

Гамлет

Убийство?

Тень

Подлое, как все убийства.
Но твой отец убит бесчеловечно,
Неслыханно.

Гамлет

Скажи скорей! На крыльях,
Как мысль любви, как вдохновенье, быстрых,
Я полечу к ней!

Тень

Вижу, ты готов;
Но будь ты вял, как сонная трава,
Что мирно спит на Леты берегах,
Проснуться ты при этой должен вести!
Внимай же, Гамлет: говорят, что я
Уснул в саду и был змеей ужален.
Народа слух бесстыдно обманули
Такою выдумкой моей кончины;
Но знай, мой благородный Гамлет: змей,
Смертельный яд в мое изливший тело,
Теперь в моем красуется венце.

Гамлет

О ты, пророчество моей души!
Мой дядя?

Тень

Да. Он, зверь-кровосмеситель,
Очарованьем слов и даром лжи —

Презренный дар, способный обольщать, —
Успел склонить к греховным наслажденьям
Лжедобродетельной Гертруды волю.
Что за измена то была, о Гамлет!
Меня, с моей любовью неизменной,
Как клятву, данную при алтаре,
Меня забыть и пасть в его объятья,
Его, который – прах передо мною!
Как добродетели не обольстит
Разврат, хоть будь он в одеяньи неба,
Так точно страсть и с ангелом в союзе
Наскучит, наконец, небесным ложем —
И жаждет недостойного. Постой!
Я утренний почуял ветерок:
Я сокращу рассказ. Когда в саду
Я спал по окончании обеда,
Подкрался дядя твой со склянкой сока
Злой белены и яд мне в ухо влил,
Людской природе столько ненавистный,
Что он, как ртуть, бежит в каналах тела,
Внезапной силой растворяя кровь.
И этот яд покрыл меня мгновенно,
Как Лазаря, корой нечистых струпьев.
Так я во сне убит рукою брата,
Убит в весне грехов, без покаянья,
Без исповеди и без тайн святых.
Не кончив счет, я был на суд отозван
Со всею тяжестью земных грехов.
Ужасно! о, ужасно! О, ужасно!

Не потерпи, когда в тебе природа есть, —
Не потерпи, чтоб Дании престол
Кроватью был для гнусного разврата.
Но как бы ты ни вздумал отомстить,
Не запятнай души: да не коснется
Отмщенья мысль до матери твоей!
Оставь ее Творцу и острым тернам,
В ее груди уже пустившим корни.
Прощай! прощай! Светящийся червяк
Мне говорит, что близко утро:
Бессильный свет его уже бледнеет,
Прощай, прощай и помни обо мне!

Уходит.

Гамлет

Господь земли и неба! Что еще?
Не вызвать ли и ад? Нет, тише, тише,
Моя душа! О, не старейте, нервы!
Держите персть возвышенно и прямо!
Мне помнить о тебе? Да, бедный дух,
Пока есть память в черепе моем.
Мне помнить? Да, с страниц воспоминанья
Все пошлые рассказы я сотру,
Все изреченья книг, все впечатленья,
Минувшего следы, плоды рассудка
И наблюдений юности моей.
Твои слова, родитель мой, одни
Пусть в книге сердца моего живут

Без примеси других, ничтожных слов.
Клянуся в том благими небесами!
О, женщина преступная! Злодей,
Злодей, смеющийся, проклятый изверг!
Где мой бумажник? Запишу, что можно
С улыбкой вечною злодеем быть,
По крайней мере в Дании возможно.

(Пишет.)

Здесь, дядюшка. Теперь пароль и отзыв:
«Прощай, прощай и помни обо мне!»
Я поклялся.

Горацио *(за сценой)*

Принц! Принц!

Марцелло *(за сценой)*

Принц Гамлет!

Горацио *(за сценой)*

Бог да защитит вас!

Гамлет

Аминь!

Марцелло *(за сценой)*

Эй, где вы, принц?

Гамлет

Сюда, мой сокол!

Входят Горацио и Марцелло.

Марцелло

Что с вами, принц?

Горацио

Ну что, узнали вы?

Гамлет

О, удивительно!

Горацио

Скажите, принц.

Гамлет

Нет, вы расскажете.

Горацио

Я – нет, мой принц!
Клянусь вам небом.

Марцелло

Я не расскажу.

Гамлет

Вот видите… И кто бы мог подумать!
Но, чур, молчать.

Горацио и Марцелло

Клянусь вам небом, принц!

Гамлет

Нет в Дании ни одного злодея,
Который не был бы негодным плутом.

Горацио

Чтоб это нам сказать, не стоит
Вставать из гроба мертвецу.

Гамлет

Вы правы —
И потому, без дальних объяснений,
Я думаю – простимся и пойдем.
Вы – по делам или желаньям вашим:
У всех свои желанья и дела;
А бедный Гамлет – он пойдет молиться.

Горацио

Да это, принц, бессвязные слова.

Гамлет

Мне очень жаль, что вам они обидны;
Душевно жаль.

Горацио

Тут нет обиды, принц.

Гамлет

Горацьо, есть: клянусь святым Патриком,

Обида страшная! Что до виденья —
Он честный дух, поверьте мне, друзья;
Желанье ж знать, что было между нами,
Одолевай как может кто. Теперь,
Когда вы мне товарищи, друзья,
Когда солдаты вы, прошу исполнить,
О чем я попрошу.

Горацио

Охотно. Что же?

Гамлет

Не говорить, что видели вы ночью.

Горацио и Марцелло

Не скажем, принц.

Гамлет

Однако ж поклянитесь.

Горацио

Клянусь вам честью, принц, не разглашать.

Марцелло

Я также.

Гамлет

Нет! Клянитесь на мече!

Марцелло

Мы поклялись уже.

Гамлет

На меч, на меч мой!

Тень *(под землею)*

Клянитесь!

Гамлет

А! Ты здесь, товарищ верный?
Что ж, господа, вы слышите – приятель
Не спит в гробу: угодно вам поклясться?

Горацио

Скажите: в чем?

Гамлет

Чтоб никогда до смерти
О том, что видели, не говорить ни слова.
Клянитесь на моем мече!

Тень *(под землею)*

Клянитесь!

Гамлет

Hic et ubique: переменим место —
Сюда, друзья. Сложите снова руки
На меч мой и клянитесь: никогда
О том, что видели, не говорить ни слова.

Тень *(под землею)*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.